

Ян Кашкурно

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК

Неизвестная война
1941

Ян Кишкурно

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА 1941

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2007

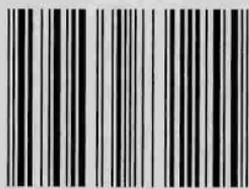
Ян Кишкурно

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК. НЕИЗВЕСТНАЯ
ВОЙНА 1941. – СПб.: ООО «ЛЮБАВИЧ»,
2007 – 112 с., 64 илл.

Книга предназначена для широкого
круга читателей.

ISBN 5-86983-125-3

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Ни одна часть этой книги, как и все произведение в целом не могут быть воспроизведены фотомеханическим, электронным или любым другим способом без письменного разрешения автора.

ISBN 5-86983-125-3

Редколлегия: Балашов Е.А., Репина Т.А., Репин Е.Э.

© ИКО «Карелия», 2007 г.

© Кишкурно Я.А. 2007 г.

© Балашов Е.А. Верстка, оформление, схемы, 2007 г.

Отпечатано в типографии «ЛЮБАВИЧ»

194044, Санкт-Петербург, пр. Б.Сампсониевский, 60

Оглавление

К ЧИТАТЕЛЮ.....	4
ОТ АВТОРА.....	5
1. КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ ИЮНЯ 1941 г.	14
2. ПЕРВЫЕ БОИ НА ГРАНИЦЕ	17
3. НАЧАЛО ФИНСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ	21
4. РЕШАЮЩИЕ СРАЖЕНИЯ	27
5. ВЫБОРГСКАЯ КАТАСТРОФА	42
6. ВЫХОД ФИНСКИХ ВОЙСК К СТАРОЙ ГРАНИЦЕ	62
7. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ ОСЕНЬЮ 1941 ГОДА	69
8. ПОЧЕМУ ФИННЫ НЕ НАСТУПАЛИ НА ЛЕНИНГРАД	81
ПРИЛОЖЕНИЕ	89
БИБЛИОГРАФИЯ	108

Книга, которую Вы держите в руках, посвящена некоторым малоизвестным страницам Второй мировой войны, а именно - боевым действиям, развернувшимся на Карельском перешейке в 1941 году. Эти события являлись составной частью Ленинградской блокады, однако по ряду причин стыдливо умалчивались в подавляющем большинстве изданий, посвященных этим героическим дням. В лучшем случае в них вскользь упоминалось о наступлении финской армии на Ленинград. На протяжении шести десятилетий в общественном сознании через средства массовой информации укоренялись идеологические штампы, порожденные большевистской пропагандой. Так, до сих пор дикторы радио- и телевидения сплошь и рядом употребляют в своих выступлениях термин «фашистская блокада Ленинграда», хотя в действительности следует говорить о немецко-финской блокаде, ибо фашизм – это определенная идеология, которая в Финляндии никогда не получала широкого распространения.

Стремлением причислить Финляндию к странам-сателлитам гитлеровского режима продиктовано употребление подобных определений, заимствованных из лексикона доблестной советской историографии. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что Японию, связанную с Германией совершенно конкретными союзническими договоренностями, отечественные историки именовали «милитаристской», а отнюдь не фашистской. И делалось это совершенно сознательно, ибо при таком угле зрения уходит в тень причинно-следственная связь войны 1941–45 гг. с предшествовавшей ей советско-финляндской войной 1939–40 гг., что было безусловно выгодно для создания мифологической картины битвы за Ленинград.

Евгений Балашов,
председатель ИКО «КАРЕЛИЯ»

Прошло уже более шестидесяти лет с того времени, о событиях которого рассказывается в этом издании. О 1941 годе, о начале и первом этапе Великой Отечественной Войны написано огромное количество книг, исследований, статей и т.д., однако большинство этих публикаций посвящено ходу боевых действий на советско-германском фронте, а о происходивших боях в Карелии и на Карельском перешейке, где находилась армия Финляндии, говорится очень кратко, да и вообще этой теме уделяется мало внимания. Кем же была Финляндия с 22 июня 1941 года? Агрессором? Верным союзником Германии? Или страной, желавшей возвратить отобранное и проучить невежливого соседа? Возможно, ответы найдутся на страницах данной книги.

В советской и в современной российской историографии постоянно упоминается тот факт, что Финляндия являлась союзником Германии, разрешила в 1940 г. транзит немецких войск в Норвегию, и этим, мол, подчеркнула свою близкую дружбу с Гитлером, чем, разумеется, раздражала советское руководство. Но близким другом Германии тогда был и СССР, он являлся союзником нацистов в рамках заключенного в 1939 году Пакта. Мало того, Советский Союз также проводил транзит своих войск и военных материалов через территорию Финляндии на свою базу на полуострове Ханко согласно заключенному 6 сентября 1940 года соглашению.

Начиная с лета 1940 г. финны очень опасались советского вторжения, ударными темпами строили оборонительную полосу – линию Салпа – вдоль новой границы, и даже подписанный в марте мирный договор не считали миром, а лишь перемирием (*Välirauha*). Угроза войны с СССР была настолько велика, что, к примеру, 23 июня 1940 г. финское командование подчинило бронепоезд № 2, находившийся в районе Коуволы, 21-й дивизии для отражения возможного десанта и поддержки заградительных частей. Целью вра-

жеского воздушного десанта считался аэродром в Утти, а после подписания 6 сентября 1940 г. соглашения о транзите советских грузов на Ханко по железной дороге, появилась и угроза высадки советских подразделений из транзитных поездов. В феврале 1941 г. командир 3-го Егерского батальона отдал приказ, согласно которому противника, высадившегося из поезда, следовало уничтожить, а поезд захватить¹.

Маннергейм пишет в своих мемуарах, что 2 июня 1940 г. русские предъявили Финляндии требование, никоим образом не вытекавшее из мирного договора: все предприятия, государственные и частные, вывезенные из Карелии и с Ханко, должны быть возвращены в СССР. 23 июня 1940 г. СССР потребовал отобрать концессию на никелевые рудники в Петсамо у англичан и передать ее либо СССР, либо совместному советско-финскому акционерному обществу. 14 июня 1940 г. два советских истребителя сбили финский пассажирский самолет «Калева», выполнявший рейс Таллинн – Хельсинки. Экипаж и пассажиры, в том числе французский дипкурьер, погибли.

Период конца июля и начала августа 1940 г. стал критическим. В СССР шла масштабная военная подготовка. Как и перед началом Зимней войны резко увеличилось число нарушений финской границы советскими самолетами. Опасность удара с воздуха, прежде всего в виде парашютного десанта, вызвала необходимость усиления столичного гарнизона. В феврале 1941 г. офицеры Красной Армии в Салла говорили своему агенту, что Финляндия будет включена в состав СССР уже в этом году².

В ноябре 1940 г. В.М. Молотов, Народный Комиссар Иностранных Дел, посетил Берлин, где лично встретился с Гитлером и Риббентропом и поднял тему Финляндии. Далее я привожу выдержки из протоколов этих бесед согласно текстам книги «СССР – Германия. 1939–1941». Телекс, Нью-Йорк, 1989 г., том 2, сс. 108–117.

¹ *Sotahistoriallinen aikakauskirja* № 5, 1986., ss. 206 – 207.

² Маннергейм К.Г., Мемуары. Вагриус, 1999, сс. 353-363.

12 ноября 1940 г.

Молотов: <...> германо-русское соглашение от прошлого года³ можно, таким образом, считать выполненным во всех пунктах, кроме одного, а именно Финляндии. Финский вопрос до сих пор остается неразрешенным. И он (Молотов) просит Фюрера сказать ему, остаются ли в силе пункты германо-русского соглашения относительно Финляндии. С точки зрения советского правительства никаких изменений здесь не произошло <...> К настоящему времени возникли новые проблемы, которые также должны быть разрешены <...>.

13 ноября 1940 г.

«Фюрер вернулся к замечанию Молотова <...> что германо-русское соглашение выполнено «за исключением одного пункта, а именно Финляндии». Молотов пояснил, что это замечание относится не столько к самому договору, сколько к Секретному протоколу. Фюрер ответил, что в Секретном протоколе зоны влияния и сферы интересов были определены и разделены <...> Поскольку вопрос стоял о фактическом получении территорий, Германия действовала в соответствии с соглашением, что было не совсем так со стороны русских. В любом случае, Германия не заняла каких-либо территорий, входящих в русскую сферу влияния <...>

<...> ситуация с Финляндией. У Германии нет там политических интересов. Русское правительство знает это. Во время русско-финской войны Германия выполняла все свои обязательства по соблюдению абсолютного благожелательного нейтралитета <...> Реальная ситуация такова: в соответствии с германо-русскими соглашениями Германия признает, что политически Финляндия представляет для России первостепенный интерес и находится в ее зоне влияния. Однако Германия должна принять во внимание два момента:

1. Пока идет война, она крайне заинтересована в получении из Финляндии никеля и леса.

2. Она не желает на Балтийском море каких-либо новых конфликтов <...>

<...> в любом случае у нее (Германии) нет каких-либо политических интересов в Финляндии, и она полностью признает тот факт, что эта страна входит в русскую зону влияния. <...>

Молотов ответил, что советское правительство считает своим долгом урегулировать финский вопрос. Для этого не нужны новые соглашения. <...> Финляндия входит в сферу влияния России.

В заключение фюрер заявил по этому поводу, что Германия не хочет допустить какой-либо войны в Балтийском море <...>

Важным для Германии является вопрос о том, есть ли у России намерения начать войну против Финляндии.

Молотов уклончиво ответил на это заявлением, что все будет в порядке, если финское правительство откажется от своего двусмысленного отношения к СССР <...>

Фюрер заявил, что на Балтике не должно быть более никакой войны. <...>

Молотов ответил, что дело не в вопросе о войне на Балтике, а в разрешении финской проблемы в рамках соглашения прошлого года.

<...> он (Молотов) представляет себе урегулирование в тех же рамках, что и в Бессарабии и в соседних странах⁴.

И уже 27 ноября 1940 г. Генеральный штаб РККА подготовил план нанесения удара по Финляндии!⁵

⁴ Имеется в виду Прибалтика (прим. автора).

⁵ *Sotahistoriallinen aikakauskirja* № 11, 1992, ss. 121-123.

Думаю, все вышеизложенные факты не стоит комментировать и полагаю, что читатель понял, каким образом СССР хотел «урегулировать» финскую проблему.

А что же немцы? Как Германия относилась к Финляндии в конце 1930-х годов? Приведу очень красноречивую выдержку из книги финского генерал-майора Пааво Талвела, который в декабре 1940 г. посетил Берлин и имел продолжительную беседу с Германом Герингом⁶:

«Он (Геринг) сказал, что финская политика за прошедшее время была довольно близорукой. Финляндия сознательно отдалась от Германии, и во времена Лиги Наций в любом вопросе всегда последовательно голосовала против Германии. Когда весной 1939 г. немцы предложили финнам заключить договор о ненападении, Финляндия отвергла его. Из всего этого Германия не могла сделать иного вывода, чем тот, что у финнов нет желания к сотрудничеству с немцами. В связи с этим Германия вычеркнула Финляндию как дружественную страну из своих списков».

Здесь я специально выделю эту фразу Геринга: **«ГЕРМАНИЯ ВЫЧЕРКНУЛА ФИНЛЯндиЮ КАК ДРУЖЕСТВЕННУЮ СТРАНУ ИЗ СВОИХ СПИСКОВ»**. Комментарии излишни...

Далее рейхсмаршал Геринг, второе лицо в иерархии национал-социалистического государства, продолжил: *«Когда в августе 1939 г. Германия и Россия заключили договор, Германия отдала Финляндию в сферу интересов русских. Такого бы не произошло, если бы Финляндия одобрила предложенный ей договор о ненападении».*

Полагаю, здесь я тоже обойдусь без комментариев. Еще с начала 1920-х годов финны ориентировались на Англию и Францию, во время Зимней войны ей оказали наибольшую помощь именно эти страны и государства Скандинавии. Германия никак не помогала финнам, ибо являлась

⁶ Текст приводится по изданию: *Talvela P. Sotilaan elämä. Osa 1, Gummerus OY, 1976, s. 260.*

союзником СССР и строго соблюдала нейтралитет. Впрочем, о Зимней войне написано уже большое количество книг, где вышеизложенные факты подробно представлены.

Вообще, «национал-социалистическая культурная политика имела мало откликов в Финляндии <...> С лета 1938 г. Германия начала дипломатические действия против финского правительства, обвиняя его во мнимом нейтралитете, в политике игнорирования Германии и в анти-немецкой позиции финских газет»⁷. Как пишет И.Н. Новикова в своей статье, опубликованной в сборнике «От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг.»: «... анализ культурной жизни Финляндии конца 1930-х годов позволяет сделать вывод о том, что Германия <...> не имела доминирующего влияния на финляндскую культуру». Необходимо отметить, что еще весной 1932 г. в Финляндии официально была запрещена деятельность так называемого «Лапуаского движения», партии фашистского толка.

В 1939 г. (и все последующие годы войны) количество мест в финском парламенте, состоявшем из 200 депутатов, делилось следующим образом: социал-демократы – 85, Аграрный союз – 56, Коалиционная партия – 25, Шведская партия – 18, Патриотическое Народное Движение (IKL) – 8, Прогрессивная партия – 6, Партия мелких земледельцев – 2⁸. Из всех вышеупомянутых партий, только Патриотическое Народное Движение (IKL) имело крайне правую направленность, но, как мы видим, занимало только 8 мест в парламенте (т.е. 4% от всего количества депутатов). Из этого следует, что лишь 4% (четыре процента!) финских граждан, пришедших на выборы в 1939 г., поддерживали крайне правую, национал-фашистскую идеологию. Для советской пропаганды эти ЧЕТЫРЕ процента были, видимо, настолько огромной цифрой, что Финляндию причислили к странам фашистской ориентации.

⁷ Talvisodasta Jatkosotaan. Helsinki, 1991., ss. 162-163.

⁸ Pikku jättiläinen, WSOY, 1942, s. 494.

А теперь постараемся выяснить, что же такое фашизм, и возьмем в руки энциклопедию: «ФАШИЗМ — (итал. *fascismo* — пучок, связка, объединение), социально-политические движения, идеологии и государственные режимы тоталитарного типа <...> Фашизм опирается на массовую тоталитарную партию (приходя к власти она становится государственной монопольной организацией) и на непререкаемый авторитет «вождя» <...> Режимы и движения фашистского типа широко используют демагогию, популизм, лозунги социализма, имперской державности <...> к фашизму близки тоталитарные движения и режимы большевизма, сталинизма, маоизма, «красных кхмеров» и др. <...>»⁹. Советская пропаганда и так называемые «историки» в свое время дошли до полного абсурда, доказывая, что главным врагом СССР являлся фашизм, когда сам Советский Союз был, по сути своей и по вышеприведенному определению, фашистским государством.

Однажды некий человек пытался убедить меня в том, что Финляндия являлась главным союзником Германии, ибо в финской армии имелось большое количество немецких касок, а на самолетах и танках эмблемой была свастика. Абсолютно верно, была и свастика, и немецкие каски. Их финны купили в 1919 году во Франции, которой они достались в качестве трофея. Лишь около 30 тысяч касок Финляндия в 1922 году приобрела в Германии, когда эта страна еще не была фашистской, ни, тем более, нацистской и не являлась чьим-либо союзником, а переживала серьезный кризис после поражения в Первой Мировой войне. В 1940 г. Венгрия поставила финнам 75 тысяч касок, которые по своей форме почти не отличались от немецких¹⁰. Надо сказать, что даже немецкие танки впервые появились в финской ар-

⁹ Большой Энциклопедический Словарь. Москва, Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», С-Пб, «Норинт», 1998 г., с. 1266).

¹⁰ «Принимай нас, Суоми-красавица!», часть 2, С-Пб, 2000 г., с. 96.

мии лишь в 1943 году. Это были 30 САУ StuG-40, и финны их купили по цене 160 тыс. рейхсмарок (3,16 млн. финских марок) за штуку, а не получили в подарок от своего «союзника»¹¹. По поводу свастики приведу цитату из книги М.Ю. Крысина «Прибалтика между Сталиным и Гитлером», «Вече», 2004 г., сс. 17–18: «Этот символ встречается во многих мировых культурах — индуизме, буддизме, а также у языческих славянских племен; его изображение находили при раскопках древних развалин Трои, Египта и Китая <...> Свастика, кстати сказать, вошла в государственную символику Эстонии и Финляндии в годы Гражданской войны и после провозглашения ими независимости <...> Солдаты Красной Армии могли часто видеть свастику на крыльях финских самолетов и башнях захваченных танков. Неудивительно, что Финляндия после этого воспринималась не иначе как страна-сателлит нацистской Германии и пособница фашизма». Кстати, изображение свастики имелось и на российских банкнотах 1917 г. достоинством 250 рублей, выпущенных Временным правительством России.

Когда в каких-нибудь изданиях упоминается о том, что Финляндия была союзником фашистской Германии (но немцы никогда себя фашистами не считали, фашисты имелись в Италии, где правил Муссолини, а в Германии был НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ, а Гитлер являлся не вождем фашистов, а лидером НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ, NSDAP (так и хочется прибавить «б», как РСДРП(б)). Так вот, когда упоминается, что Финляндия была в период 1930-х — начала 1940-х гг. союзником Германии, лучшим другом, братом и т.д., и только и делала, что хотела вместе с немцами напасть на СССР, меня охватывает чувство тихого ужаса. Трудно объяснить, почему историки пишут подобные вещи. Они либо слабо разбираются в этой теме, либо намеренно искажают факты и скрывают важные документы, либо имеются какие-то особые, секретные, неизвестные нам причины...

¹¹ E. Käkälä. *Laguksen miehet. Marskin nyrkki. Gummerus OY, 1992, s. 240.*

Летом 1940 г. Финляндия оказалась в тяжелой ситуации. В результате Зимней войны она лишилась больших территорий и части промышленных производств, в стране находилось около 400 тысяч эвакуированных с перешейка, из Карелии и других мест. Главные союзники, Англия и Франция, потерпели поражение от немцев, Норвегия оккупирована Германией, Прибалтика захвачена Советским Союзом, который вынашивает планы об окончательном решении финского вопроса путем новой агрессии, несмотря на какие-то там договоры. Единственная дружественная страна – соседняя Швеция. Финляндия стремится заключить со шведами союз, но в декабре 1940 г. СССР выступает категорически против этого¹².

Весной 1941 г. финнам стало ясно, что Германия и СССР начнут войну. В конце мая в Зальцбурге и Берлине проходили консультации финской военной делегации с представителями немецкого командования. В начале июня 1941 г. в Хельсинки прибыл немецкий полковник Бушенхаген с целью переговоров о практических деталях сотрудничества в случае нападения СССР на Финляндию и получения гарантий, что финны выступят в качестве союзников, если между Германией и СССР начнется конфликт. Маннергейм заявил, что не может дать гарантий относительно вступления в войну. Финляндия решила оставаться нейтральной, если на нее не нападут.

Еще осенью 1939 г. Сталин в беседе с финской делегацией сказал: *«Хорошо понимаю, что вы хотите остаться нейтральными, но уверяю вас, что это невозможно. Великие державы просто не позволят»*. В июне 1941 г. Финляндию прижали к стене: выбирайте одну из альтернатив – Германия или СССР¹³. Сражаться за идеалы первого в мире

¹² Маннергейм. Мемуары. Вагриус, 1999, с. 361.

¹³ Там же, сс. 371-374.

пролетарского государства рабочих и крестьян, а затем жить в коммунистическом «раю» у финнов желания не было.

Вот, в принципе, и все, о чем хотелось сказать в таком длинном предисловии. Я выражаю благодарность Андрею Станиславовичу Егорову и Евгению Александровичу Балашову за предоставленные материалы, и надеюсь, что эта книга вызовет у читателей определенный интерес.

Ян Кишкурно

1. КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ ИЮНЯ 1941 г.

9 июня

Президент Рюти информирует правительство и парламент о военном сотрудничестве с немцами.

Аэродром Малми подготавливают для принятия немецких самолетов.

13 июня

Глава МИДа Финляндии Виттинг информирует парламент о нахождении в стране крупного немецкого соединения, направляющегося на Север.

14 июня

Президент Финляндии Ристо Рюти и правительство страны принимают решение о частичной мобилизации. Решение касается 30 тысяч человек.

Англия объявляет Финляндии торговую блокаду.

15 июня

На озере Сайма образована отдельная военная флотилия.

17 июня

Финский Генштаб принимает решение о всеобщей мобилизации.

18 июня

Полиция начинает аресты деятелей левого движения и антивоенно настроенных. До начала войны задержано около пятисот человек. Большая часть из них коммунисты, а также члены общества дружбы с Советским Союзом.

19 июня

С аэродрома в Рованиеми немецкий самолет совершает разведывательный полет над районом Саллаа, где находятся советские части.

20 июня

В 8 часов утра начинается эвакуация жителей с приграничных территорий на юго-востоке Финляндии.

22 июня

На рассвете на финские аэродромы прибывает немецкая авиация.

В 4 часа утра 22 июня 1941 г. в МИДе Германии в Берлине состоялась встреча Риббентропа с советским послом Деканозовым. Риббентроп «начал беседу с замечания, что враждебные отношения советского правительства к Германии и серьезная угроза, которую Германия видит в концентрации русских войск на восточной границе с Германией, заставили Рейх принять военные контрмеры. Деканозов найдет подробное изложение мотивов, объясняющих германскую позицию, в меморандуме, который Имперский Министр иностранных дел ему вручает <...> В момент, когда Германия вовлечена в борьбу не на жизнь, а на смерть, позиция советской России, в частно-

сти сосредоточение русских вооруженных сил на самой границе, представляет для Рейха такую серьезную угрозу, что Фюрер решил предпринять военные контрмеры. Политика компромиссов между двумя странами оказалась, таки образом, безуспешной. Это, однако, ни в коей мере не вина Имперского правительства, которое точно соблюдало германо-русский договор. Это скорее связано с враждебной позицией советской России по отношению к Германии. Под давлением серьезных угроз политического и военного характера, исходящих от советской России, Германия, начиная с этого утра, предпринимает соответствующие контрмеры <...>¹⁴. Иными словами, это могло означать официальное объявление Германией войны Советскому Союзу. На протяжении многих десятилетий коммунистическая пропаганда убеждала советский народ и все мировое сообщество, что Германия вероломно, без объявления войны, напала на СССР.

Утром 22 июня 1941 г. некоторые финские военные объекты подверглись обстрелу со стороны СССР. Но в этот день и германский МИД, и британский МИД заявили, что считают Финляндию нейтральной страной.

25 июня советская авиация нанесла мощные удары по городам Финляндии. Бомбежке подверглись Лахти, Турку, Коуволла и другие населенные пункты. Имелись большие человеческие жертвы. На границе советская пехота и артиллерия открывали огонь. В этот же день финское правительство заявило, что страна находится в состоянии войны с СССР.

Так как эта книга посвящена военным действиям на Карельском перешейке в 1941 году, то тема боев в Карелии и на других участках фронта здесь развиваться не будет. Об этих событиях будет рассказано в отдельном исследовании.

¹⁴ СССР – Германия. 1939–1941. Нью-Йорк, 1989 г., том 2, сс. 176–178.

2. ПЕРВЫЕ БОИ НА ГРАНИЦЕ

В направлении Карельского перешейка финны к концу июня сосредоточили два армейских корпуса, 2-й и 4-й. Во 2-й корпус входили 2-я, 15-я, и 18-я пехотные дивизии, командующим был генерал-майор Тааветти Лаатикайнен. Это соединение занимало фронт более 90 километров и растянулось от Иматры до района Укуниemi. От берега Финского залива до Иматры была зона ответственности 4-го армейского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Леннарта Эша. В этот армейский корпус входили 8-я и 12-я пехотные дивизии и усиленный 25-й пехотный полк. В резерве командования находились 4-я и 10-я пехотные дивизии и бригада «Т».

С советской стороны границу от Финского залива до района Элисенваара – Лахденпохья прикрывали части 23-й армии под командованием генерал-лейтенанта П.С. Пшеникова в составе двух (19-го и 50-го) стрелковых корпусов. В эти соединения входили 123-я, 43-я, 115-я и 142-я стрелковые дивизии. В конце июня туда вошла и сформированная в апреле 1941 года 198-я мотомеханизированная (мотострелковая) дивизия, которая в действительности являлась стрелковой. 25 июня под Выборг прибыли части 10-го механизированного корпуса. В начале июля его перебросили на Лужское направление, однако некоторое количество танков из этого корпуса осталось в 23-й армии. На 17 июля 1941 г. в 23-й армии имелось 116 танков, из которых 50 были в ремонте. Необходимо заметить, что и 198-я дивизия, первоначально входившая в 10-й механизированный корпус, также осталась в составе 23-й армии. Вдоль границы размещались, разумеется, и пограничники. С первых дней войны 23-я армия вошла в состав Северного фронта. К лету 1941 года вблизи финской границы в той или иной степени готовности располагались оборонительные сооружения Красной Армии. Они входили в три укрепрайона: Выборгский, Кексгольмский и Сортавальский (см. схему на сс. 106-107).

Первый серьезный бой на приграничном участке фронта начался 29 июня 1941 г. Финская разведка выяснила, что в Энсо [ныне Светогорск] находится малочисленный гарнизон красноармейцев. Захватить этот важный промышленный посёлок поручили командиру 18-й пехотной дивизии полковнику Паяри. В ночь с 28 на 29 июня подразделения финнов при поддержке нескольких легких танков, сбив пограничников, и, практически не встречая серьезного сопротивления, проникли в центр Энсо. В полдень командиру 115-й стрелковой дивизии генерал-майору В.Ф. Конькову доложили об обстановке в Энсо и о беспорядочном отступлении одной из рот. Генерал отдал приказ 168-му отдельному разведывательному батальону и полковой школе 576-го стрелкового полка разбить врага и восстановить положение, и сам отправился в Энсо, где ему навстречу «бежали красноармейцы с выпученными от страха глазами», как В.Ф. Коньков пишет в своих воспоминаниях. Далее он продолжает по этому поводу: «Первым желанием было выскочить из машины и наорать. Но известно, гнев — плохой помощник. Решение пришло неожиданно.

— Товарищи, — окликнул я бегущих, — махорочки на самокрутку не найдется?

Бойцы от неожиданности остановились. Они сразу узнали, кто их остановил. А я уже знал, как говорить с ними и что делать дальше.

— Где командир роты? — строго спросил я.

— Всех поубивало, осталось нас всего ничего, а этих егерей видимо-невидимо.

— А там кто остался? — сурово оборвал я его. — Там брошенные вами товарищи бьют егерей, и мы сейчас поможем им довершить дело...»

В ходе последовавшего жестокого боя, не раз переходящего в рукопашную схватку, красноармейцам и бойцам 5-го погранотряда удалось выбить врага из Энсо, уничтожить 3 танка и перейти в контратаку. Финны вынуждены

были отойти, так как командующий 2-м армейским корпусом Т. Лаатикайнен отказался в сложившейся ситуации использовать дополнительные части и артиллерию. В бою за Энсо финны потеряли 13 человек убитыми, 41 ранеными и 39 пропавшими без вести. В советских источниках финские потери оцениваются в 300 человек убитыми и ранеными.

Части Красной армии, пытаясь использовать достигнутый успех, в последующие дни активно атаковали и перешли границу, но финнам при поддержке артиллерии удалось отбить все атаки. Бои на этом участке продолжались до 5 июля.

Утром 4 июля финны атаковали погранзаставу и вклинились на 6–8 километров на советскую территорию в районе Кирконпуоли, что в 20 км от Элисенваары. Командование 23-й армии срочно перебросило туда 198-ю мотомеханизированную дивизию генерал-майора Крюкова. Многие из бойцов и офицеров этого соединения участвовали в финской войне 1939–40 гг. Делая небольшое отступление, хочется сказать, что именно в этой части в 1941 г. служил в должности заместителя командира дивизии полковник Василий Нетреба. Во время финской войны он в звании капитана командовал батальоном 222-го полка 49-й стрелковой дивизии. Именно его батальон захватил в декабре 1939 г. первые ДОТы «линии Маннергейма» на реке Тайпалеен-йоки. За эти заслуги В.Г. Нетреба стал Героем Советского Союза. Про него сослуживцы даже стишок сочинили:

*Не раз его руку враги испытали,
Громил он и будет громить их стократ.
Он — мастер штыка и стреляющий стали,
Василий Нетреба, советский комбат.*

*Наверно, он слово особое знает,
И кажется, летчики крепче бомбят,
Когда пехотинцев в атаку бросает
Василий Нетреба, железный комбат...*

Илл. 1. Генерал-майор В.В. Крюков, командир 198-й дивизии.

Илл. 2. Комиссар 198-й дивизии И.М. Кравченко

Какое же такое особое волшебное слово знал комбат Нетреба, бросая пехотинцев в атаку? Каким надо быть волшебником, чтобы за полтора года превратиться из капитана в полковника...

В годы войны Нетреба командовал дивизией народного ополчения и стрелковой бригадой. В 1944 г. стал генерал-майором, после войны был начальником военного училища. Интересная судьба. Но это отступление от темы.

Части 198-й дивизии атаковали финнов и отбросили их к границе. На следующий день враг снова пошел в атаку. Четверо суток в этом районе шли упорные бои. Дивизия отразила натиск противника. Выполнив задачу, 9 июля 198-я была отведена в тыл, в резерв командующего 23-й армией.

28 июля финны силами батальона атаковали высоту 100.7, расположенную северо-западнее Куурманпохья

[ныне Сторожевое, около 8 километров от Светогорска]. Оборонявшие этот район части 638-го стрелкового полка 115-й стрелковой дивизии вынуждены были отступить. На следующий день подразделения РККА при поддержке танков пытались выбить противника, но успеха это не принесло. Командир 115-й стрелковой дивизии генерал-майор Коньков направил туда подкрепление, и после ожесточенного боя поздним вечером того же дня высота 100,7 была очищена от противника. Согласно советским источникам, финны потеряли около 400 человек убитыми и ранеными.

В течение июля 1941 г. во многих местах на границе в полосе советской 23-й армии происходили перестрелки, разведки боем и скоротечные бои. Главный удар финские войска нанесли в середине июля в направлении Сортавала – Лоймола – Питкяранта – Салми, где оборонялась 7-я армия, и за две недели дошли до Тулоксы, то есть решающие сражения проходили в Карелии, о чем в данном исследовании рассказываться не будет.

Для удобства управления войсками, 21 июля 1941 г. 168-ю стрелковую дивизию с приданным ей 361-м полком из 71-й стрелковой дивизии передали из состава 7-й армии в 23-ю. В скором времени закончилось и относительное затишье в направлении Карельского перешейка.

3. НАЧАЛО ФИНСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ

30 июля 1941 г. финский 2-й армейский корпус получил приказ о начале наступления на побережье Ладоги. Днем 31 июля части корпуса (2-я, 15-я, 18-я и чуть позднее выведенная из резерва 10-я пехотная дивизия полковника Сихво) начали наступление. Первой задачей было овладение районом Элисенваара – Илмее – Хийтола. 2-я пехотная дивизия полковника Блика начала атаки на Лахденпохья, но встрети-

Илл. 3. Церковь Хийтола и брошенный советский танк. Август 1941 г.

ла серьезное сопротивление. На этом участке оборонялись части 142-й и 198-й дивизий РККА. Особенно жестокие бои разгорелись у речки Тохма-йоки, где отличился 450-й полк полковника Парамзина из 198-й дивизии. Лишь 5 августа финнам удалось перерезать железную дорогу, после чего советские дивизии получили приказ об отступлении.

15-я пехотная дивизия, целью которой была Хийтола, в первый же день столкнулась с сильной обороной советских войск. Наиболее кровопролитные бои происходили у Энкилянсало и деревни Пайари. 3 августа финнам удалось прорвать фронт на этом участке, после чего части советских 142-й дивизии полковника Микульского, 115-й дивизии генерал-майора Конькова и подразделения 102-го погранотряда полковника Донсова вынуждены были отступить. 4 августа 18-я пехотная дивизия полковника Паяри заняла село Илмее. 7 августа 2-я пехотная дивизия вошла в Лахденпохья и достигла берега Ладоги. 23-я армия была рассечена на три час-

Илл. 4. План наступления 2-го армейского корпуса финской армии.

ти. Все связи между 23-й и 7-й армиями перерезаны. Днем 8 августа части 18-пехотной дивизии заняли станцию Инкиля и село Кирву [ныне Свободное]. Это первый крупный населенный пункт Карельского перешейка, освобожденный финнами. В этот же день 10-я и 15-я пехотные дивизии вошли в Хийтола, которую обороняли в том числе и бойцы из 21-й дивизии НКВД, а 1-й пехотный полк 10-й дивизии занял вечером Каукола [ныне Севастьяново], где располагался большой советский госпиталь на 600 коек. 9 августа попытка финнов сходу взять станцию Сайрала [ныне Бородинское] успехом не увенчалась.

В это время 23-я армия получила наспех сформированную 265-ю стрелковую дивизию неполного состава, сре-

Илл. 5. Финские солдаты входят в Кирву. 8 августа 1941 г.

ди солдат и офицеров которой было около 40% служащих НКВД. Возможно, это подразделение предполагалось использовать в качестве заградительных отрядов, чтобы воспрепятствовать отступлению красноармейцев.

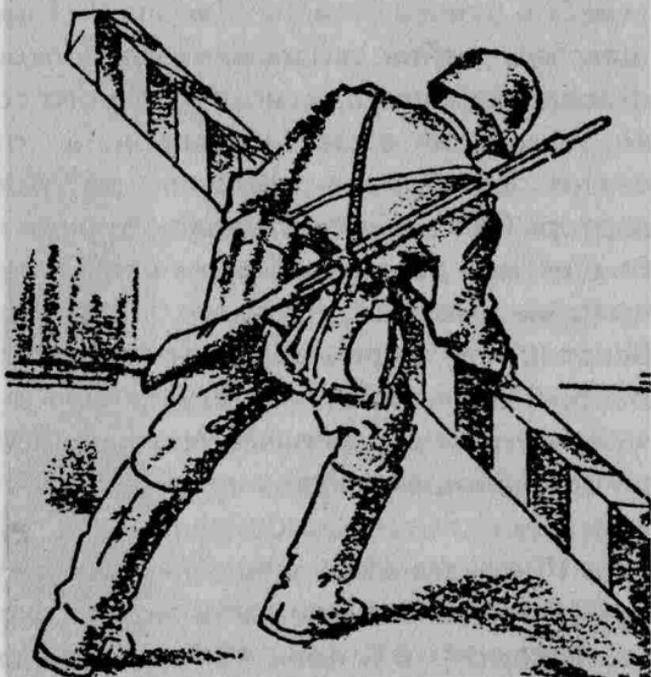
4 августа командующим 23-й армией вместо генерал-лейтенанта Пшенникова был назначен генерал-лейтенант М.Н. Герасимов. 10 августа он получил приказ из штаба Северного фронта контратаковать финнов совместно со свежей 265-й дивизией в районе южнее Хийтола, но выполнить это задание не смогли. Некоторые подразделения 142-й, 168-й и 198-й дивизий были прижаты к берегу Ладоги и позднее эвакуированы водным путем.

10 августа части финской 15-й пехотной дивизии полковника Херсало вошли в Куркийоки, а днем ранее 2-я пехотная дивизия заняла Элисенваара. 11 августа подразделе-

Илл. 6-7. Финские солдаты меняют дорожные указатели. Справа - командир 15-й пехотной дивизии полковник Н. Херсало.

NYT SIIRRETÄÄN
RAJA IDEMMÄKSI!

Илл. 8. «Передвинем границу восточнее!» Финский плакат 1941 г.

Илл. 9. Командование 15-й пехотной дивизии. Лето 1941 г.

ния 142-й и 198-й дивизий РККА полностью отошли из района Хийтола в шхеры у Кильполы. Бои на этом участке продолжались до эвакуации советских частей в начале двадцатых чисел августа. В период с 10 по 12 августа очень упорные бои шли за станцию Каарлахти [ныне Кузнечное]. Защищал этот район сводный отряд полковника Донскова в составе 600 человек, основу которого составляли пограничники, и истребительный батальон, в котором насчитывалось свыше 200 бойцов-добровольцев. Командовал батальоном парторг Кексгольмского целлюлозного завода И.В. Николаев. В ходе боев две трети бойцов истребительного батальона пали смертью храбрых, среди них и И.В. Николаев. После занятия Каарлахти путь финнам на Кякисалми [Кексгольм, ныне Приозерск] был открыт. 12 августа 18-я пехотная дивизия, получившая тремя днями ранее приказ продвигаться к Вуоксе, после боя, длившегося двое суток, заняла станцию Колюола [ныне Боровинка]. Станцию Сайрала [ныне Бородинское] захватили еще 10 августа. Наиболее отличившийся в этих боях 27-й пехотный полк достиг вечером 12 августа окраин Антреа [ныне Каменногорск]. 6-й полк 18-й дивизии сломил сопротивление

Красной Армии и 12 августа занял Лиетлахти и Салосийрала. Командир 18-й пехотной дивизии полковник Паяри принял решение сосредоточить силы своего соединения для захвата Энсо [ныне Светогорск] и Яаски [ныне Лесогорский]. Но положение изменилось, и дивизия получила приказ: главное внимание сконцентрировать на переправе через Вуоксу.

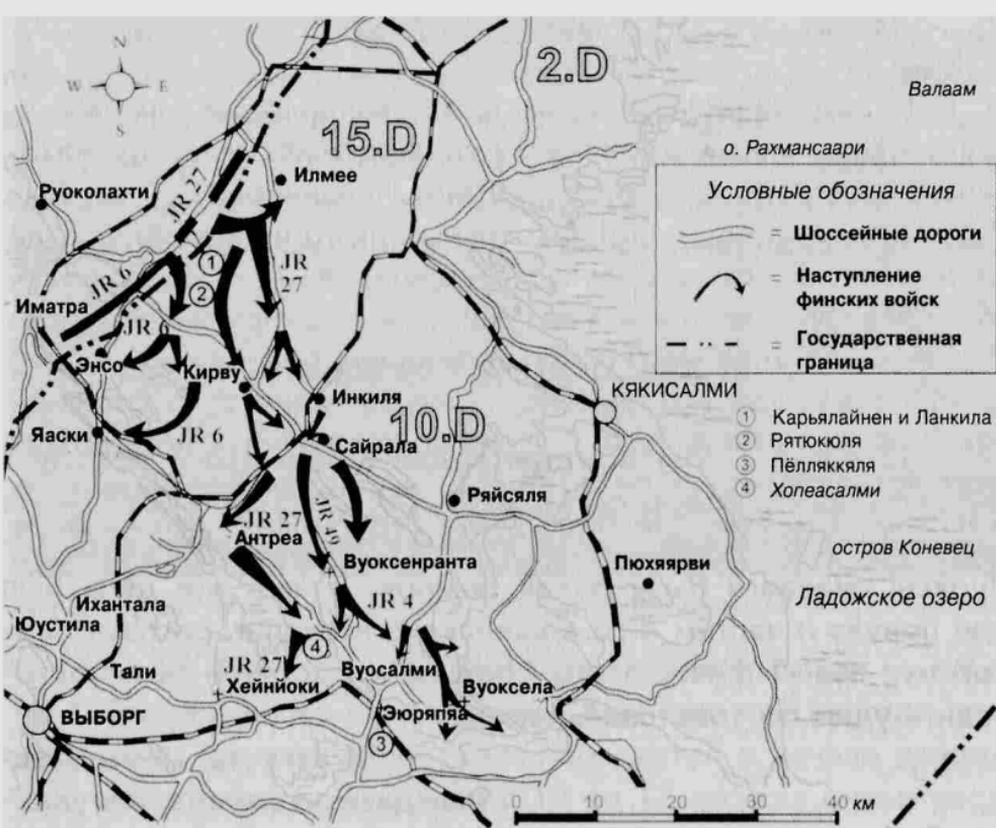
4. РЕШАЮЩИЕ СРАЖЕНИЯ

13 августа Маннергейм отдал приказ 18-й пехотной дивизии о занятии территории между Энсо и Пёлляккяля [ныне Барышево]. В случае успеха этой операции северный берег Вуоксы оказался бы в руках финнов. В этот же день был дан приказ и частям 4-го армейского корпуса, согласно которому левый фланг этого соединения должен был подготовить удар по советским частям.

14 августа 18-я пехотная дивизия начала наступление у Яаски и Энсо, стремясь окружить подразделения РККА, и после многочасового упорного боя финны заняли Антреа, который обороняли бойцы 115-й стрелковой дивизии, сводный отряд из 43-й стрелковой дивизии и части 9-й железнодорожной бригады майора Матишева. Непосредственно саму станцию Антреа и железнодорожный мост через Вуоксу защищали роты из железнодорожного батальона под командованием

Илл. 10. Офицеры 18-й пехотной дивизии у Кирву. Август 1941 г.

Илл. 11. Схема продвижения частей 18-й дивизии к Вуоксе.

майора Петрайтиса. Финны постоянно атаковали станцию и обстреливали мост, уже подготовленный к взрыву. Осколками был поврежден провод взрывной сети. Красноармеец-подрывник коммунист Датьян под огнем нашел повреждение, срстил провод и стал пробираться к укрытию. Взрыв у насыпи возле моста опять оборвал провод, и вновь Датьян устранил обрыв. Вскоре мост через Вуоксу был взорван советскими саперами. В районе Антра части РККА установили мины замедленного действия. В результате взрыва такой мины 27 августа погибли несколько офицеров и советник Маннергейма профессор Тапио Тарьянне.

В результате действий финских частей, для Выборгской группировки советских войск сложилась угрожающая ситуация, а финны все атаковали и атаковали.

14 августа 1941 г. 265-я стрелковая дивизия начала контратаковать финские войска у деревни Тимоскала, что находилась недалеко от Ряйсяля [ныне Мельниково]. Туда был срочно переброшен 43-й пехотный полк 10-й дивизии. В ходе ожесточенных боев финны вынудили 941-й и 946-й полки 265-й дивизии отступить. Развивая успех, финские части продолжили наступление. Им были приданы резервы, и, кроме 43-го полка, здесь сражались солдаты одного из батальонов 2-го пехотного полка и отряд егерей при поддержке трех артиллерийских батарей. 15 августа финны заняли Тимоскала. В результате боев 265-я стрелковая дивизия была практически разгромлена. В качестве трофеев финнам досталась карта боевых действий и печать 946-го полка. Из рапорта штабу 43-го пехотного полка: «... Русские храбро оборонялись, но упорные финны атаковали их, и дело было быстро решено. 946-й полк Красной Армии можно снимать с довольствия <...> С горечью пленные рассказывают о комиссаре... Вначале он произнес пламенную речь о Сталине и Советской Родине, в конце пригрозив трусам и предателям трибуналом. Но когда понял, что запахло жареным, так сам и побежал. Шестерых бойцов с автоматами он взял с собой, да еще прихватили два ручных пулемета, и дал деру. Совсем из другого теста был сделан командир полка майор Ляшенко. Он в последний свой час приказал бойцам застрелить его».

А вот что написано в одном из советских документов: «По донесению командира 265-й сд, 946-й сп в ночь на 16.08.41 покинул занимаемые позиции и начал группами отходить, оставив материальную часть». Далее следующий документ: «Начальнику артиллерии армии. Лес, 1 км юго-зап. Ряйсяля. Противник в 20.30 15.08.1941 повел наступление на фронте 946-го сп у Мусаканмяки¹⁵, выс. отм. 45.9, квадрат 6650, атаковав фланги и тыл боевого порядка.

¹⁵ хутор рядом с Уннункоски, ныне Горы (прим. автора).

Артиллерийское подразделение и отдельные орудия 946-го сп и 3/798-го ап и штабная батарея 798-го ап вели бой и после отхода пехоты с переднего края... Артиллерия 946-го сп полностью потеряна (люди, кони, матчасть). Точных сведений ввиду гибели командования и штаба 946-го сп об артиллерии этого полка нет».

16 августа командир 10-й пехотной дивизии полковник Сихво решил сосредоточить основные силы своего соединения для удара по Ряйсяля. На следующий день финны пошли в наступление с северо-запада и северо-востока и перерезали дороги. Опасаясь окружения, ранним утром 18 августа советские части отступили, оставив Ряйсяля. После этого финские войска продолжили наступление на юг.

17 августа произошел жестокий бой у моста в районе Тиури (Тиверск). Туда был послан финский отряд из 2-го пехотного полка с целью перерезать шоссе и замкнуть кольцо окружения с юга. Внезапно атаковав, финнам удалось захватить 45-мм орудие, огнем из которого на дороге подбили несколько грузовиков, после чего образовалась пробка, и продолжили расстреливать технику противника. Красноармейцы атаковали несколько раз, но безуспешно. В ходе боя финны уничтожили 30 легковых и грузовых машин, трактора с орудиями и много живой силы, а сами потеряли 27 человек убитыми и ранеными. Отличившийся в этом бою и проявивший мужество, находчивость и героизм прапорщик Пентти Ийсало был удостоен высокой награды – креста Маннергейма.

На участке 18-й пехотной дивизии в эти дни тоже велись активные действия. После взятия Антреа [ныне Каменогорск] и Яаски [ныне Лесогорский] перед финскими войсками оказалась почти не занятая советскими частями территория вдоль Вуоксы.

Еще в ночь с 15 на 16 августа в качестве подкрепления для 265-й стрелковой дивизии, сражавшейся под Ряйсяля, из района Сяккиярви [ныне Кондратьево] был отправлен на ма-

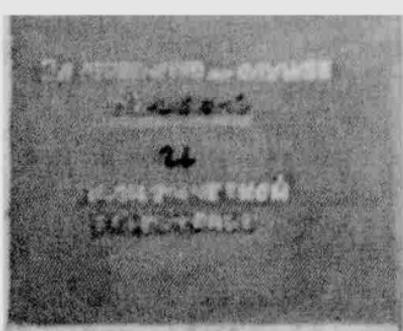
Илл. 12. После боя у Ораванкюто. Август 1941 г.

шинах 33-й погранотряд. Переправившись через Вуоксу и направляясь по лесной дороге к деревне Ораванкюто (близ нынешнего озера Балахановское) вечером 16 августа погранотряд был внезапно атакован передовыми частями 18-й пехотной дивизии. Финнам удалось окружить пограничников, которые отчаянно оборонялись, используя имевшиеся танки и артиллерию. Три дня в этом районе шел жестокий

Илл. 13. Разбитая советская техника у Ораванкюто.

бой. 33-й погранотряд был полностью разгромлен. Небольшая часть пограничников смогла вырваться из окружения, в том числе и командный состав. Однако в скором времени близ Вуосалми [Барышево] финны взяли в плен командира отряда майора Смирнова, полкового комиссара Солдатов, врача Гребенника и политрука Шарлицина. В вещах Солдатово было обнаружено знамя 33-го погранотряда...

Илл. 14. Захваченное финнами знамя 33-го погранотряда.

Илл. 15. Бой у Ораванкюто.

Резервов у 23-й армии уже не осталось. Просьба командующего Северным фронтом генерал-лейтенанта М.М. Попова об усилении 23-й армии четырьмя дивизиями из резерва Ставки Верховного Главнокомандования Генеральным штабом удовлетворена не была.

16 августа командир 18-й пехотной дивизии полковник Паяри приказал захватить плацдарм на берегу Вуоксы в районе Хопеасалми (это около двух километров вверх по течению от нынешнего острова Геройский). Уже вечером 17 августа, получив доставленные к месту форсирования лодки и понтоны, передовые части 18-й дивизии начали переправу через Вуоксу. Первыми переправились подразделения 27-го пехотного полка под командованием подполковника Хаантера. Небольшой отряд РККА, который находился в этом районе, обратился в бегство, ибо финны по-

Илл. 16. Части 18-й пехотной дивизии у руин церкви Эюрпя. Август 1941 г.

явились внезапно и очень быстро наступали. К полудню 18 августа почти весь 27-й полк переправился через реку и захватил плацдарм глубиной 5 километров и шириной 14 километров. Вместе с пехотой шла и артиллерия. Вот что вспоминает лейтенант Л. Янтти:

«За сутки мы далеко продвинулись. Наш 14-й Тяжелый артдивизион переправился через Вуоксу на плотях. Это случилось ночью, и у меня до сих пор волосы встают дыбом, когда вспоминаю, как мы грузили орудия на плоты в полной темноте». Части 18-й пехотной дивизии стали продвигаться по обоим берегам Вуоксы. В это время в штаб 2-го армейского корпуса поступило лаконичное донесение:

«Форсировал Вуоксу. Дерзко продвигаюсь. Паяри». В этот же день, 18 августа, 2-му армейскому корпусу подчинили легкую пехотную бригаду «Т» полковника Тиайнена, которая, переправившись через Вуоксу, начала продвижение к Купарсаари [ныне о-в Ждановский]. Ситуация для советской 23-й армии после форсирования финнами Вуоксы сложилась критическая. Противник уже находился в тылу, угрожая окружением Выборгской группировке войск РККА (43-й, 123-й и 115-й стрелковым дивизиям). Видимо, только в этот момент советское командование поняло простой и гениальный замысел финских военачальников. Финны вначале не стали наступать на Выборг, а нанесли удар на востоке Карельского перешейка и быстро продвинулись к Вуоксе. Вероятно, такого развития ситуации в советских штабах не предполагали.

Илл. 17. Командир 18-й пехотной дивизии полковник А. Паяри.

Илл. 18—19. Переправа финских войск через Вуоксу.

Севернее Кякисалми [Кексгольм, ныне Приозерск], на острове Кильпола, советские 142-я и 198-я стрелковые дивизии продолжали упорно обороняться. У Рауталаhti, что между Лахденпохъя и Сортавала, сражались части 168-й стрелковой дивизии полковника Бондарева, практически полностью изолированные от остальных войск армии.

17 августа 1941 г. командующий 23-й армией генерал-лейтенант Герасимов и командующий Ладужской военной флотилией капитан 1-го ранга Хорошхин получили из штаба

Северного фронта следующее распоряжение: «Организовать лично вывод и эвакуацию 168-й, 142-й и 198-й стрелковых дивизий в район южнее Кексгольма. Эвакуацию 168-й дивизии предварительно производить на о. Валаам, в последующем к югу от Кексгольма. К эвакуации 168-й дивизии приступить немедленно. Руководство эвакуацией на воде полностью возложить на командующего Ладожской военной флотилией, сосредоточить в его распоряжении все плавучие средства».

Необходимо подчеркнуть, что в боях у Ладоги участвовали и советские моряки Ладожской флотилии. В конце июля 1941 г. был сформирован Северный отряд под командованием капитан-лейтенанта Салагина. В это подразделение входили два тральщика, бронекатер, пять катеров КМ, один разъездной катер ЗИС и две шхуны. Задача отряда состояла в поддержании связи между подразделениями на берегу и кораблями флотилии, прикрытии отхода советских частей, воспрепятствовании захвата островов противником в тылу Красной Армии. Северный отряд, наряду с другими частями флотилии, сыграл важную роль в период боев с финскими войсками в июле–августе 1941 года.

В период с 18 по 21 августа кораблям флотилии удалось эвакуировать на Валаам, а оттуда на другой участок фронта личный состав 168-й стрелковой дивизии – около 10 тысяч человек – и много единиц техники. Финнам же в трофеи достались 40 орудий, 8 танков, 310 различных автомобилей и 1500 лошадей.

Илл. 20. Командующий Ладожской военной флотилией капитан 1-го ранга Б. В. Хорошхин.

В это же время шла эвакуация 142-й стрелковой дивизии полковника Микульского и 198-й мотомеханизированной дивизии генерал-майора Крюкова. Для эвакуации этих частей, находящихся на острове Кильпола, была сформирована группа из 19 транспортов и буксиров и 14 барж. Командовал группой капитан 2-го ранга Нествед. Пунктом назначения подразделений вышеупомянутых дивизий был Сортанлахти [ныне Владимировка]. Однако последний караван с советскими частями в бухту Сортанлахти не прибыл. Как пишет в своих воспоминаниях полковник Н.Д. Фенин, произошло вот что: «... каравану оставалось немного времени, чтобы дойти до Сортанлахти, когда в гребнях бушующего озера мы увидели наш бронекатер, который вскоре приблизился к нам. На его борту находился представитель политотдела штаба морской обороны и озерных районов полковой комиссар Калачев. Он сообщил печальную весть: противник занял Сортанлахти. Пришлось с ходу изменить направление и следовать в бухту Морье».

23 августа 1941 г. последние части прикрытия были сняты с ладожских островов и доставлены в Саунасаари [ныне п-ов Далекый]. В общей сложности за время проведения операции удалось эвакуировать около 23 тысяч человек и 140 орудий. 142-я и 198-я дивизии заняли оборону на новых рубежах Карельского перешейка.

В связи со сложившейся ситуацией, 20 августа 1941 г. Ставка приказала 23-й армии отступить и занять оборону по линии Выборг – Вуокса – Пюхьярви [ныне Отрадное] – Ладога. Командир 115-й стрелковой дивизии генерал-майор Коньков по этому поводу пишет следующее: «Командующий 23-й армией приказал мне перебросить части дивизии в район станции Тали [ныне Пальцево], полустанка Перо [ныне Перово] и пригород Выборга Карьяла [ныне пос. им. Кирова] с задачей прикрыть Выборг с востока и быть в готовности к нанесению контрудара. Дивизия уме-

Илл. 21. Командир 4-й пехотной дивизии полковник К. Вильянен.

Илл. 22. Командир 8-й пехотной дивизии полковник Винель.

ло оторвалась от противника и к утру 22 августа была сосредоточена в указанном районе <...> Попытка врага с ходу захватить Выборг была отбита частями нашей дивизии». До получения приказа об отходе 115-я стрелковая дивизия обороняла довольно большой участок фронта в районе Антреа – Яаски, а после потери этих населенных пунктов закрепились по берегу Вуоксы.

К Выборгу от границы отошли и 123-я стрелковая дивизия полковника Паничкина, и 43-я стрелковая дивизия генерал-майора Кирпичникова. Удар финского 4-го армейского корпуса в составе 12-й пехотной дивизии полковника Вихма и 8-й дивизии полковника Винеля (4-я дивизия полковника Вильянена находилась в резерве) на Выборгском направлении, начавшийся 21 августа, пришелся по почти пустому месту, ибо части РККА вовремя отступили. Продвижению финнов мешали минные поля и большое количество завалов, но уже к вечеру 22 августа 8-я пехотная дивизия заняла Сяккиярви [ныне Кондратьево] и Вахвиала [ныне Яши-

Илл. 23. Финские солдаты у Тайпале. 23 августа 1941 г.

но], а днем ранее частями 12-й дивизии были заняты Энсо [Светогорск] и Яаски [Лесогорский].

После занятия Ряйсяля финские войска продолжали наступать на восточной части Карельского перешейка. Уже 21 августа 1941 г. 43-й пехотный полк 10-й дивизии захватил Кивиниеми [ныне Лосево], но переправиться через водную преграду не смог, ибо мосты были взорваны. На этом участке финнам противостояли части разбитой у Ряйсяля 265-й стрелковой дивизии и отступающие вместе с ними пограничники. Финны у Кивиниеми взяли в плен младшего лейтенанта, у которого обнаружили знамя, принадлежащее 5-му погранотряду.

В это же день, 21 августа, 2-й полк 10-й пехотной дивизии вступил в практически полностью сожженный отступившими советскими подразделениями Кексгольм. Финны продолжили свое быстрое продвижение, не давая частям РККА возможности закрепиться на местности для ведения обороны.

Как уже упоминалось выше, 20 августа Ставка отдала распоряжение 23-й армии занять позиции по линии Выборг – Вуокса – Пюхьяярви – Ладога. Большая часть эвакуированной из района Кильпола 142-й стрелковой дивизии высадились в период с 18 по 21 августа в Сортанлахти, где, согласно распоряжению ставки, и должна была занять оборону. По некоторым источникам, у Сортанлахти разместились и части 21-й дивизии НКВД, 14-й полк которой вскоре перебросили к Выборгу в качестве подкрепления 43-й стрелковой дивизии.

Финское наступление было настолько мощным и быстрым, что 22 августа сопротивление 142-й стрелковой дивизии было подавлено и она отступила за озеро Сувантоярви [ныне Суходольское] и реку Тайпалеен-йоки [Бурная]. Подразделения, которые планировалось придать 142-й дивизии в качестве подкрепления, просто не смогли высадиться в бухте Сортанлахти, ибо она уже была захвачена финнами.

Днем 23 августа части 10-й пехотной дивизии заняли Саккола [ныне Громово] и Теренттиля (деревня на северном берегу реки Тайпалеен-йоки). В этот же день подразделения 15-й пехотной дивизии вступили в Тайпале [ныне Соловьево]. По причине усталости личного состава и в связи с тем, что артиллерия и обозы отстали от передовых частей, финские войска не стали форсировать в это время реку Тайпалеен-йоки. Первоочередная задача 2-го армейского корпуса, (достижение линии Вуокса – Суванто – Ладога), была выполнена.

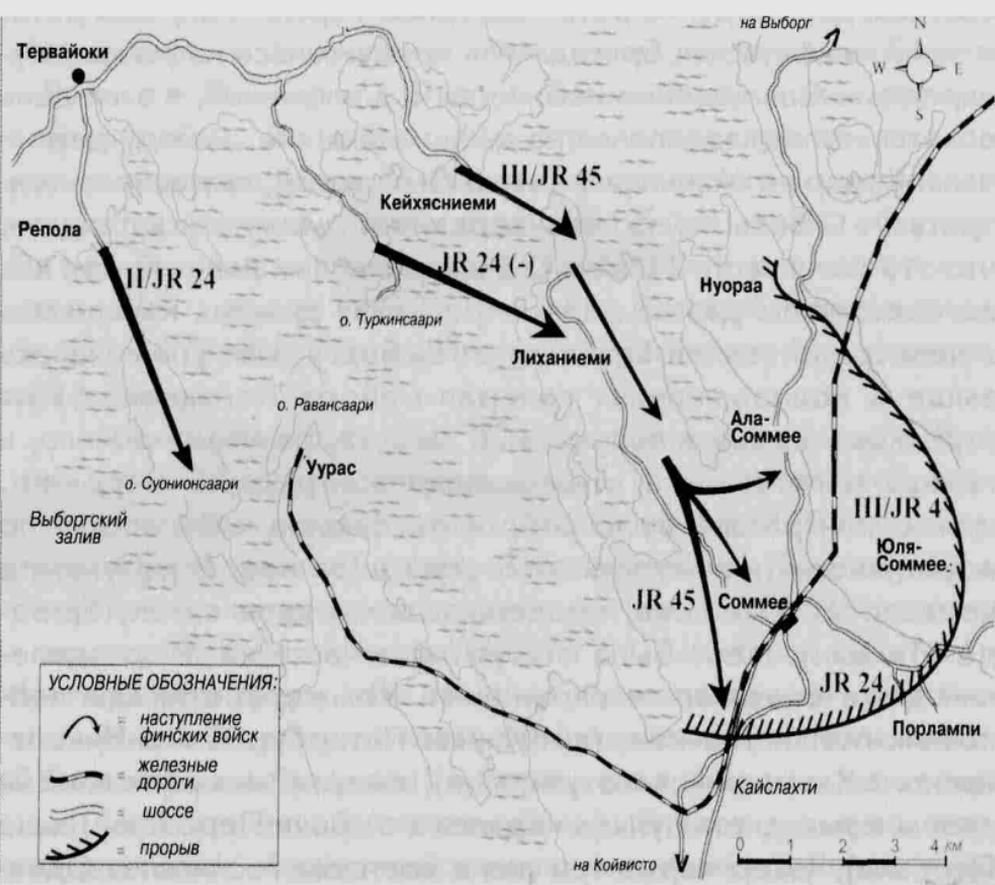
5. ВЫБОРГСКАЯ КАТАСТРОФА

23 августа части финской 12-й пехотной дивизии достигли окрестностей деревни Кямьяря [ныне Гаврилово], где соединились с бригадой «Т» полковника Тиайнена, в состав которой входили два батальона, пехотный полк неполного

состава, две егерские роты, саперная и артиллерийская рота, и зенитная батарея. Бригада «Т» продвигалась из района Купарсаари. Совершенно неожиданно для финнов, в этот день советские подразделения на данном участке, между деревнями Кямьяря и Манникала [ныне Смирново], перешли в контратаку. С большой долей уверенности можно утверждать, что это были части 115-й и 123-й стрелковых дивизий, так как по некоторым данным 43-я стрелковая дивизия находилась в непосредственной близости от Выборга. Как упоминалось выше в воспоминаниях генерал-майора Конькова, 115-я стрелковая дивизия получила 20 августа, помимо прочего, и приказ о готовности к нанесению контрудара. Вероятно, целью контратаки было отбросить финнов к Вуоксе, а по возможности и вынудить их отступить за нее. В результате кровопролитных боев, продолжавшихся двое суток, бригада «Т» вынуждена была отступить, а часть ее подразделений даже оказалась в окружении. Командир бригады полковник Матти Тиайнен, (выпускник Петербургского Николаевского Кавалерийского училища), смертельно раненный на своем командном пункте недалеко от реки Перойоки [ныне Перовка], умер через три дня в военном госпитале. Однако вскоре положение изменилось: 12-й пехотной дивизии удалось успешно отразить атаки войск РККА и затем, перейдя в контрнаступление, перерезать 25 августа железную дорогу Выборг – Ленинград у станции Кямьяря.

18-я пехотная дивизия после форсирования Вуоксы продолжала расширять плацдарм. К 23 августа части дивизии достигли реки Салменкайта [ныне Булатная], озера Эуряпяяньярви [ныне Раковое] и приблизились к северному берегу озера Муолаанъярви [ныне Глубокое].

24 августа произошло совершенно неожиданное для советского командования событие: финская 8-я пехотная дивизия полковника Винеля, достигнув Выборгского залива, начала переправу через эту водную преграду и создала плацдарм на полуострове Лиханиеми (около 10 километров от

Илл. 24. Схема переправы финских войск через Выборгский залив.

Выборга). Убедившись, что в данном районе советских частей нет, еще утром 24 августа подразделения 45-го пехотного полка на моторных лодках переправились на противоположный берег. К исходу дня на плацдарме имелось до батальона финнов. После получения дополнительных плавсредств (челны, понтоны, рыбацкие лодки), 24-й пехотный полк вечером начал форсирование Выборгского залива, имея задачей высадку на остров Суонионсаари [ныне Крепыш] и затем дальнейшее продвижение через Уурас [ныне Высоцк].

Так как советское командование даже и не предполагало подобной ситуации, то и резервами в этом районе оно не располагало. Все силы были брошены на контрудар у

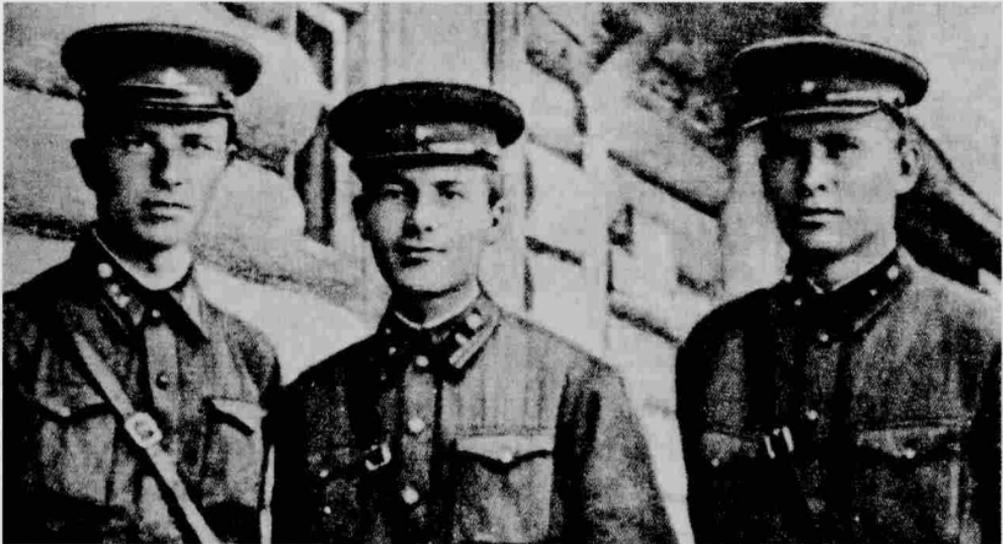

Илл. 25. Финские солдаты переправляются через Выборгский залив.

Кямяря. Лишь пограничники из 103-го погранотряда и моряки школы младшего комсостава (по другим данным это была школа младших специалистов Балтфлота) пошли в атаку на Лиханиеми, стремясь выбить оттуда финнов.

Еще в начале войны все заставы 103-го погранотряда, задачей которого была охрана побережья Выборгского залива и некоторых островов, переформировали в роты и сосредоточили в районе Ремпетти [ныне Глебычево и Ключевое]. Командовал отрядом майор Никитюк.

Пока подразделения отряда перебрасывали к месту высадки десанта, финские части довольно глубоко продвинулись на Лиханиеми и вышли к Сомме [ныне Матросово]. Именно здесь и у деревни Самола советские пограничники вступили в жестокий бой с противником. К этому времени подразделения финского 24-го пехотного полка заняли Уурас и достигли населенного пункта Ниемеля [ныне Медянка], где захватили кирпичный завод. В результате ожесточенной схватки роте пограничников под командованием лейтенанта Козлова и морякам школы младшего комсостава удалось

Илл. 26. Офицеры 103-го погранотряда. 1941 год.

25 августа выбить финнов с территории завода и вынудить их отступить. На поле боя осталось 50 убитых финских солдат и офицеров. В этот же день шел кровопролитный бой за станцию Кайслаhti [ныне Попово], где погиб начальник штаба 103-го погранотряда майор Охрименко. Вот что говорится о событиях тех дней в характеристике боевых действий 103-го погранотряда на Карельском перешейке и подступах к Ленинграду в августе – сентябре 1941 года: «...Противник занял Ниемеля и ворвался на кирпичный завод. Роте пограничников под командой лейтенанта Козлова была поставлена задача во взаимодействии со школой младшего начсостава Краснознаменного Балтийского флота, наступавшей на юго-западную опушку леса, что севернее и северо-западнее ст. Кайслаhti, выбить противника из кирпичного завода и деревни Ниемеля.

В результате напряженного боя противник из этих пунктов был выбит. В этом бою противник потерял 50 человек убитыми и 9 человек ранеными.

Нами было захвачено много винтовок, автоматов, гранат, два миномета и большое количество винтовочных патронов.

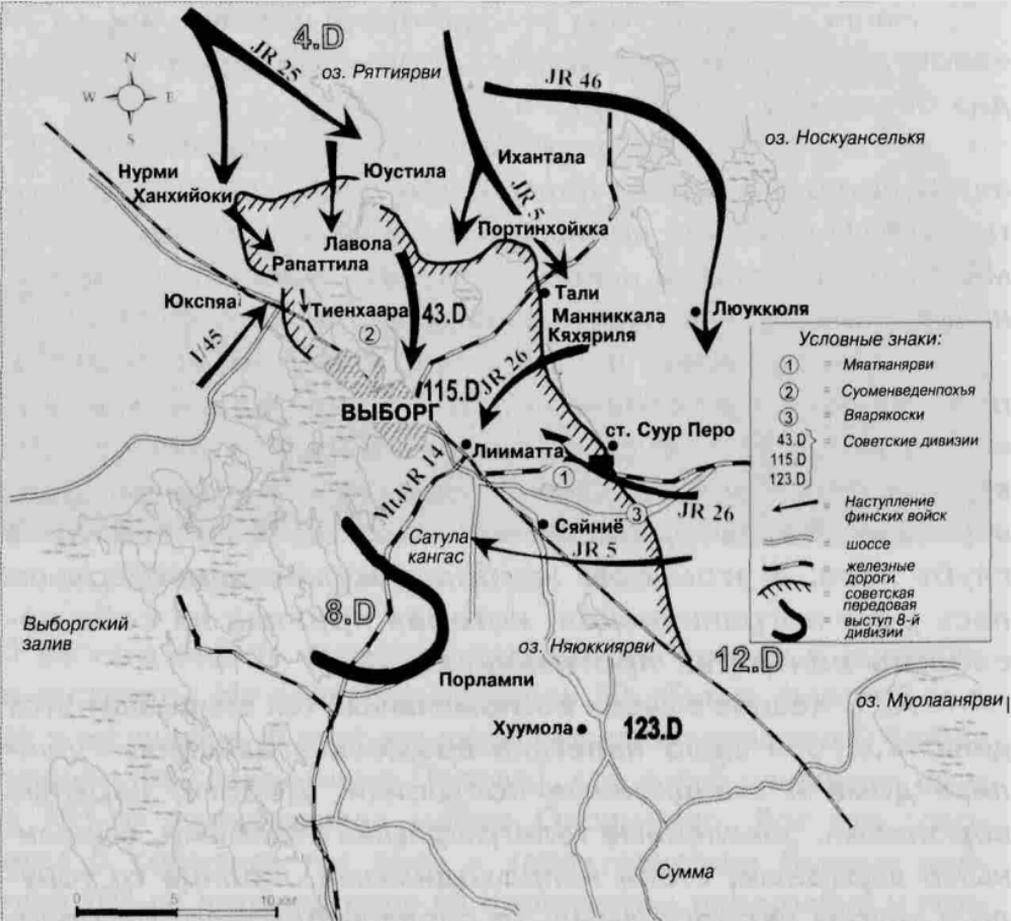
Наши потери в этом бою убитыми и ранеными до 20 человек. Наступление роты поддерживали два 76-мм орудия батареи Красной Армии.

В последующем весь день велись тяжелые оборонительные бои в районе Кайслаhti против атакующего противника. Последний производил сильные артиллерийско-минометные огневые налеты на боевые порядки пограничников и школы Краснознаменного Балтийского флота.

...После налета нашей авиации на боевые порядки противника рота пограничников и школа Краснознаменного Балтийского флота перешли в контратаку. На северной окраине Кайслаhti завязался рукопашный бой, в результате которого белофинны были оттеснены в глубь леса. В этом бою храбро и мужественно сражалась рота пограничников, которая приняла на себя несколько контратак противника».

А.П. Козлов в своих воспоминаниях так описывает этот день: «...То и дело налетала вражеская авиация. Рушились дома и станционные постройки. Дороги, изрытые воронками, заваленные телеграфными столбами, вырванными взрывами, стали непроходимыми. Солнце то тонуло в клубах черного дыма, то снова выплывало, багрово-красное, будто раскаленное в этом аду».

К утру 26 августа финнам удалось занять Сомме и Тиенхаара [ныне Селезнево], что в непосредственной близости от Выборга. В этот же день выдвинувшаяся из резерва 4-я пехотная дивизия полковника Вильянена, продвигаясь со стороны Сайменского канала, начала окружать Выборг с северо-востока. 12-я пехотная дивизия, перерезав 25 августа железную дорогу Выборг – Ленинград у Кямьяря [Гаврилово], продолжила наступление по направлению к Сомме и Хуумола, встречая упорное сопротивление частей 123-й стрелковой дивизии, пытавшейся задержать противника в районе реки Майя-йоки [ныне р. Большая]. Над советской Выборгской группировкой войск нависла угроза полного окружения.

Илл. 27. Положение войск под Выборгом в конце августа 1941 г.

27 августа 24-й пехотный полк после двухдневного боя занял Кайслаhti, советские пограничники и моряки отошли за речку Роккалан-йоки [ныне Гороховка] у поселка Йоханнес [ныне Советский]. На помощь им были присланы два батальона из недавно сформированной 5-й отдельной бригады морской пехоты (по другим сведениям это был сводный полк морской пехоты, наспех собранный из солдат разных родов войск).

28 августа 1941 года Военный совет фронта с ведома Ставки разрешил командующему 23-й армии генерал-лейтенанту Герасимову отвести 43-ю, 115-ю и 123-ю стрелковые

дивизии из района Выборга в южном направлении на рубеж оз. Муолаан-ярви – р. Роккалан-йоки. Генерал-майор Коньков (командир 115-й дивизии) по этому поводу пишет следующее: *«28 августа мне позвонил командующий 23-й армии. Я коротко доложил обстановку. Ждал, какое последует приказание. Помолчав, командующий приказал выводить дивизию к полуострову Койвисто».*

К этому моменту советские части находились в почти полном окружении. 43-й стрелковой дивизии и присланному ей несколько дней назад в подкрепление 14-му полку НКВД надлежало отступать из Выборга по шоссе и вдоль железной дороги на Койвисто [ныне Приморск]. 115-й и частям 123-й дивизии пришлось пробиваться через окрестности Сяйнио [ныне Черкасово] к Хуумола (это примерно в 20 км от Выборга в сторону нынешней Каменки). Причем 272-й полк 123-й дивизии и 576-й полк 115-й дивизии прикрывали отход основных сил и в районе станции Кархусуо вели ожесточенный бой с финнами, были окружены, пытались прорваться 29 августа через уже захваченную финским 5-м пехотным полком из 4-й дивизии станцию Сяйнио и в этом бою разгромлены. 245-й полк 123-й стрелковой дивизии получил приказ отбить станцию Кямряя, но в ходе боя потерпел поражение и отступил.

Генерал-майор Коньков так вспоминает отступление своей 115-й дивизии: *«Это был тяжелый марш. Накануне прошли проливные дожди. Незаметные до этого ручейки превратились в бурные потоки. Лесные тропы вспухли от обильной влаги и стали непроходимыми. Но люди упорно шли вперед»...*

Так как главные пути были перерезаны финнами, то советским подразделениям пришлось идти по проселочным и лесным дорогам и тропам. В связи с этим большую часть артиллерии и техники пришлось бросить. К примеру, рядом с Корпелан Аутио (близ Хуумола) остался весь обоз, снаряжение и орудия 638-го пехотного полка 115-й дивизии.

С 29 по 31 августа 1941 года из 115-й стрелковой дивизии к Койвисто вышли только около двух тысяч человек¹⁶. Вся артиллерия и материальная часть были потеряны.

В ночь с 31 августа на 1 сентября началась эвакуация из Койвисто, продолжавшаяся до утра 2 сентября 1941 г. Бойцов 115-й дивизии сажали на корабли и баржи и эвакуировали вместе со множеством других частей, в числе которых были и остатки 43-й дивизии, и некоторые подразделения 123-й дивизии, в Кронштадт и Ленинград. Руководил эвакуацией контр-адмирал Пантелеев. По различным источникам, число эвакуированных колеблется от 12 до 20 тысяч человек. Отступившие 1 сентября с рубежа реки Роккаланйоки пограничники отошли на остров Койвисто. Подступы к поселку Койвисто защищал сводный полк моряков Выборгского укрепленного сектора КБФ. Понесшая серьезные потери 123-я стрелковая дивизия под командованием полковника Паничкина и небольшие группы из других подразделений отходили по направлению к Уусикиркко [ныне Поляны] и далее к старой границе. После эвакуации из Койвисто 115-ю стрелковую дивизию направили на другой участок Ленфронта, а 43-я снова оказалась на Карельском перешейке. Некоторые советские части (в том числе отдельные бойцы из 115-й дивизии, железнодорожники, пограничники) отступали по железной дороге и вдоль Финского залива по уже захваченной финнами территории. Район форта Ино (близ нынешнего поселка Приветненское) до последнего обороняли 60 моряков, которые могли уйти на шлюпках, но не имели приказа отступить. Их командир находился в Койвисто и с ним не было связи. Эти моряки трое суток отражали атаки частей 12-й пехотной дивизии, сумевшей лишь к утру 3 сентября занять данный участок, когда все защитники уже погибли...

¹⁶ Здесь необходимо уточнить, что эта дивизия была неполного состава. Еще в июне входивший в нее 708-й полк передали 168-й стрелковой дивизии (прим. автора).

Илл. 28. Финны высаживаются на о-в Койвисто. Ноябрь 1941 г.

3 сентября на полуостров Койвисто (Киперорт) высадилась финская 8-я бригада береговой обороны. Ее задачей была зачистка местности от множества красноармейцев, которым по тем или иным причинам не удалось эвакуироваться морским путем или отступить по суше.

Финны продолжали наступление. Пройдя район Сумма, где в 1939–40 гг. велись кровопролитные бои, к утру 30 августа подразделения финской 12-й пехотной дивизии, заняв Куолемаярви [Рябово], вышли к побережью Финского залива в районе мыса Кюрённиemi – Лаутаранта и перерезали Приморское шоссе. 2 сентября финская 4-я пехотная дивизия вошла в Койвисто. Перед оставлением этого населенного пункта военинженер 2-го ранга Л. Чувахин пустил в сторону приближающегося противника заминированный паровоз.

Те советские части, что не успели эвакуироваться из поселка Койвисто [ныне Приморск] или отойти оттуда по

Приморскому шоссе, переместились на остров Койвисто (Бьерке), [ныне Большой Березовый], где находились батареи шестидюймовых орудий 22-го отдельного артиллерийского дивизиона. Это соединение и находящиеся на острове Койвисто другие подразделения эвакуировали лишь спустя два месяца. Боевые действия в период сентября – октября 1941 г. на Койвистовском архипелаге (помимо острова Койвисто советские части располагались и на Тиуринсаари [Зап. Березовый], и на Пийсаари [Сев. Березовый] сводились, в основном, к артиллерийским дуэлям и контр-батарейной борьбе. Финны не предпринимали попыток к захвату островов. В распоряжении советского гарнизона имелось 71 орудие, свыше 300 пулеметов, 6 тысяч винтовок и др. Руководство обороной островов осуществляли полковник В.Т. Румянцев и полковой комиссар И.И. Величко. 27 октября 1941 г. Военный Совет КБФ принял решение об эвакуации личного состава с острова. Ночью 1 ноября батареи были взорваны, а гарнизон отплыл в Кронштадт. Утром остров заняли финские подразделения.

Как уже упоминалось выше, 43-я стрелковая дивизия генерал-майора Кирпичникова получила 28 августа приказ об отступлении из Выборга вдоль шоссе и железной дорог на Койвисто. Так как этот путь уже был перерезан финнами у Сомме, то дивизия свернула на проселочную дорогу по направлению к Юля-Сомме [ныне Свердлово], надеясь обойти противника и продвигаться далее к Койвисто по лесным дорогам.

К этому времени 4-я пехотная дивизия, захватив Няюкки (ныне входит в дачный массив Лебедевки) и продолжая наступать, к 29 августа практически полностью перерезала пути отхода 43-й стрелковой дивизии. Некоторым передовым частям дивизии удалось добраться через леса к реке

Роккалан-йоки [Гороховка] и выйти к Йоханнесу [Советский], где пограничники, морская пехота и вышедшие из окружения части сдерживали атаки финнов до 1 сентября, и несколько раз сами переходили в контратаку с целью деблокировать 43-ю дивизию, но результатов это не принесло.

Основные силы 43-й стрелковой дивизии, вся техника, артиллерия и обоз застряли недалеко от района Порлампи [ныне Свекловичное]. В течение трех дней бойцы РККА вели упорные бои с целью вырваться из окружения. Подразделения финских 25-го пехотного полка и 5-го пехотного полка отразили все атаки и начали зачистку местности. Командир 43-й стрелковой дивизии генерал-майор Кирпичников отдал приказ об уничтожении всей техники и о формировании боевых отрядов, которые любыми способами должны взломать оборону финнов и вырваться из окружения, отходя по направлению к югу. Некоторым отрядам это удалось.

1 сентября 1941 г. положение 43-й стрелковой дивизии стало безнадежным. Солдаты и командиры начали сдаваться в плен. Вот как описывает «котел у Порлампи» участник тех событий Пентти Перттула: *«После небольшой передышки утром 1 сентября наш 3-й батальон 25-го пехотного полка продолжил выполнение поставленной задачи <...> Перед финнами открылось зрелище, какое они никогда не забудут. Вся пустошь у Порлампи была заполнена такой боевой техникой, которую защитники бедной маленькой страны и не видывали: автомобили разных конструкций, тяжелая и легкая артиллерия, танки, минометы, трактора и огромное количество разного легкого вооружения. Посреди этого хаоса блуждали тысячи лошадей.*

К нам шли с разных сторон большими и малыми группами с поднятыми руками апатичные красноармейцы <...> Из группы пленных вышел черноволосый капитан и спросил по-немецки, где наш командир <...> Он сказал, что где-то в канаве лежит сейф дивизии с большим количеством денег, в том числе и финских.

Илл. 29—30. Трофеи, взятые финской армией под Выборгом.

Илл. 31. Территория у Порлампи. Начало сентября 1941 г.

Илл. 32. Оставленная Красной Армией артиллерия у Порлампи.

Илл. 33. Советские бронемашины, захваченные финнами у Порлампи.

На пустоши еще продолжалось очаговое сопротивление. Некоторые фанатики отчаянно сражались.

... Потери нашего батальона за этот день составили двое убитых и шесть раненых. Раненых врагов были сотни! <...> На краю поля пленные принялись копать могилы для своих павших товарищей, которых набралось около двух тысяч. Из Выборга также эвакуировали и военный госпиталь с ранеными. Когда все отчаянные попытки вырваться из окружения потерпели неудачу, то был отдан приказ «Спасайся, кто может!». Я своими глазами видел лежащие обгорелые трупы в сожженных фургонах»...

Согласно некоторым сведениям, приказ о прекращении сопротивления и сдаче в плен отдал сам командир 43-й дивизии генерал-майор Кирпичников. В связи с отходом 1 сентября советских войск из района Йоханнеса и с берега реки Роккалан-йоки, части 43-й стрелковой дивизии у

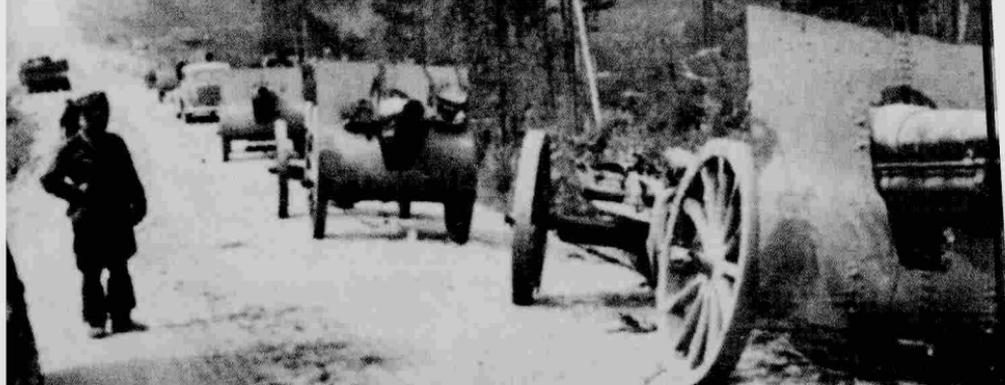
Илл. 34. Взятые финнами в трофеи знамена, принадлежавшие 43-й и 115-й стрелковым дивизиям.

Порлампи были обречены на полное уничтожение. Видимо, Кирпичников не хотел допустить страшной бойни. Он сам сдался в плен... После заключенного осенью 1944 года перемирия, генерал-майора В. Н. Кирпичникова, наряду с другими пленными, финны передали советским властям. Генерала судили и расстреляли, а в конце пятидесятых годов посмертно реабилитировали.

За время боев под Выборгом с 22 августа по 1 сентября 1941 г. общие потери подразделений Красной Армии (в основном 43-й, 115-й и 123-й стрелковых дивизий) соста-

Илл. 35. Техника РККА
оставленная у Сяинио

Илл. 36. Брошенная советская артиллерия у Пиен-Перо.

Илл. 37. Финская карикатура 1941 г.

вили убитыми около семи тысяч человек, в плену оказалось девять тысяч. В качестве трофеев финны получили 306 различных орудий, 246 минометов, 272 пулемета, 55 танков, более 600 различных автомобилей, 4500 лошадей, 430000 литров горючего, около 300 тракторов и т.д. Потери финского 4-го армейского корпуса за десять дней наступления составили более трех тысяч человек убитыми и ранеными, что равняется примерно семи процентам от начального состава (около 42 тысяч).

Днем 29 августа 1941 года передовые финские подразделения вошли в опустевший Выборг. Многие здания были подожжены и взорваны отступившими частями РККА. В 17.30 на башне Выборгского замка подняли финский флаг. В этот же день Маннергейм послал президенту Финляндии Ристо Рюти письмо, где были следующие слова: «... Наши части вступили в Выборг. Флаг с синим крестом снова развевается на башне старой крепости как доказательство подвигов наших солдат и символ внутренней силы и героизма нашего народа». В ответном послании Маннергейму президент Рюти писал: «Сказанное вами, что флаг с синим крестом вновь развевается над выборгской крепостью, наполняет сердце каждого финна безграничной радостью». 31 августа в Выборге состоялся торжественный парад по случаю освобождения города.

Помимо взорванных и сожженных зданий, в Выборге советские саперы оставили еще один «сюрприз»: в большинство наиболее значимых объектов города были заложены радиоуправляемые мины или фугасы замедленного действия и огромной разрушительной силы. Вероятно, приказ о заминировании и последующем взрыве Выборга был отдан на более высоком уровне, нежели командование 23-й армии. Замысел варварского уничтожения этого древнего города по приказу советского руководства наводит на весьма мрачные воспоминания о попытке гитлеровцев взорвать в январе 1945

Илл. 38. Финны входят в Выборг. 29 августа 1941 г.

Илл. 39. Парад финских войск в Выборге. 31 августа 1941 г.

Илл. 40. Терийоки, сентябрь 1941 г.

года прекрасный польский город Краков. Интернационал-большевики были хорошими учителями национал-социалистов...

31 августа от одного пленного красноармейца финнами были получены сведения, что в Выборге установлено около 300 радиоуправляемых мин и зарядов. Финские саперы вовремя обнаружили их и смогли понять принцип действия: на определенной радиочастоте, 420 метров, посылся сигнал, который принимали микроприемники-детонаторы. Чтобы не допустить попытки передачи подобного сигнала, финское радио в течении нескольких дней непрерывно передавало на нужной частоте сочиненную Вилле Вестериненом «Польку Сяккярви», и этим «забивало» эфир. В скором времени саперам удалось полностью обезвредить все заряды.

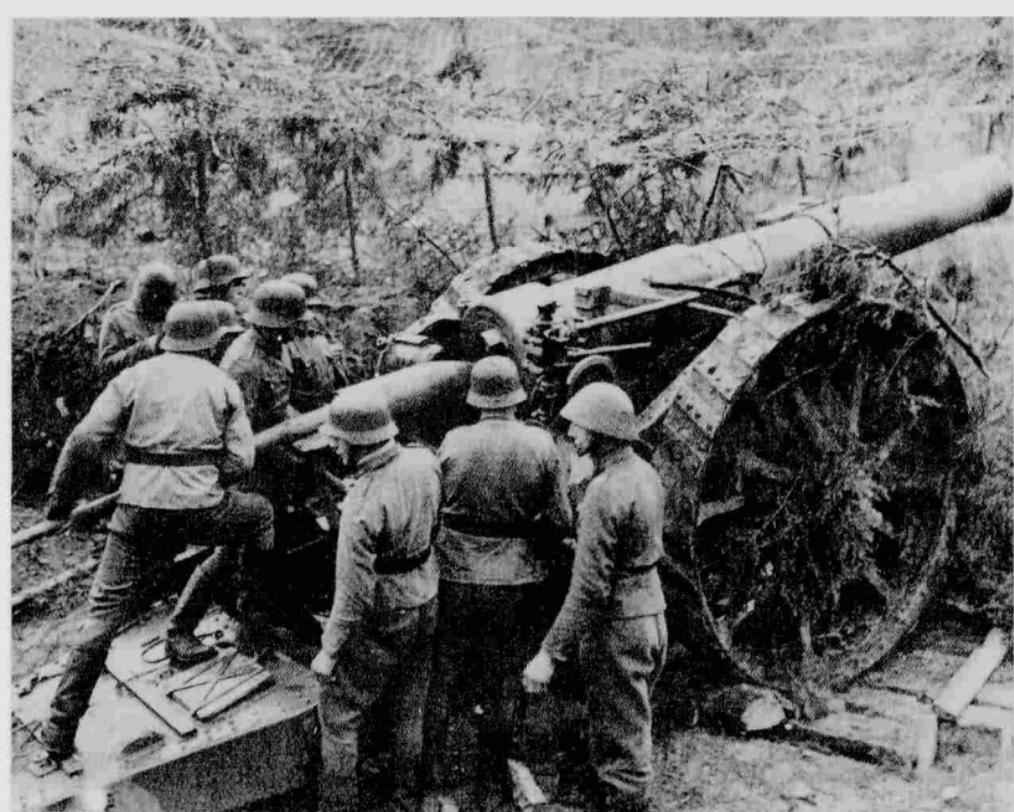
6. ВЫХОД ФИНСКИХ ВОЙСК К СТАРОЙ ГРАНИЦЕ

Во время сражений под Выборгом, боевые действия на Карельском перешейке продолжались и на других участках фронта. 12-я пехотная дивизия, преследуя отступающие части РККА, 31 августа заняла Ваммелсуу [ныне Серово], и 1 сентября достигла реки Раяйоки (р. Сестра). 18-я пехотная

Илл. 41. Снаряд в Майнилу. 31 августа 1941 г.

дивизия, прорвав 25 августа оборону советских войск на рубеже реки Салменкайта [ныне р. Булатная], 27 августа захватила Кююреля [ныне Красносельское] и вышла к окрестностям Кивеннапа [ныне Первомайское]. За этот населенный пункт развернулось настоящее сражение, закончившееся 30 августа победой финнов. Согласно финским источникам, у Кивеннапы части Красной Армии, (по всей вероятности, это были, в основном, плохо обученные бойцы Ленинградского Народного ополчения), потеряли 450 человек убитыми. 31 августа финны заняли Йоутселья [ныне Симагино] и вышли к старой границе по реке Сестре. В этот же день финские артиллеристы, написав на гаубичном 203-мм снаряде «В Майнилу», отправили его по нужному адресу, ставшему в ноябре 1939 г. известным благодаря провокации советских спецслужб, послужившей поводом к нападению

Илл. 42—43. Вверху — финны ведут огонь по частям 23-й армии.
Внизу — бой у Охты 4 сентября 1941 г.

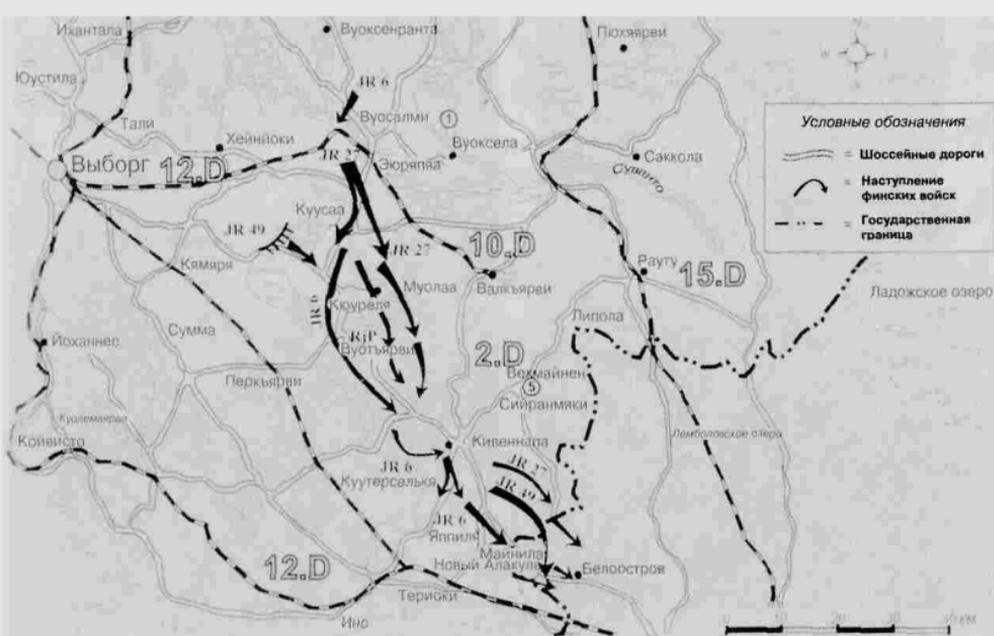
Илл. 44. Командир 2-й пехотной дивизии полковник А. Блик.

Илл. 45. Командир 10-й пехотной дивизии полковник Ю. Сихво.

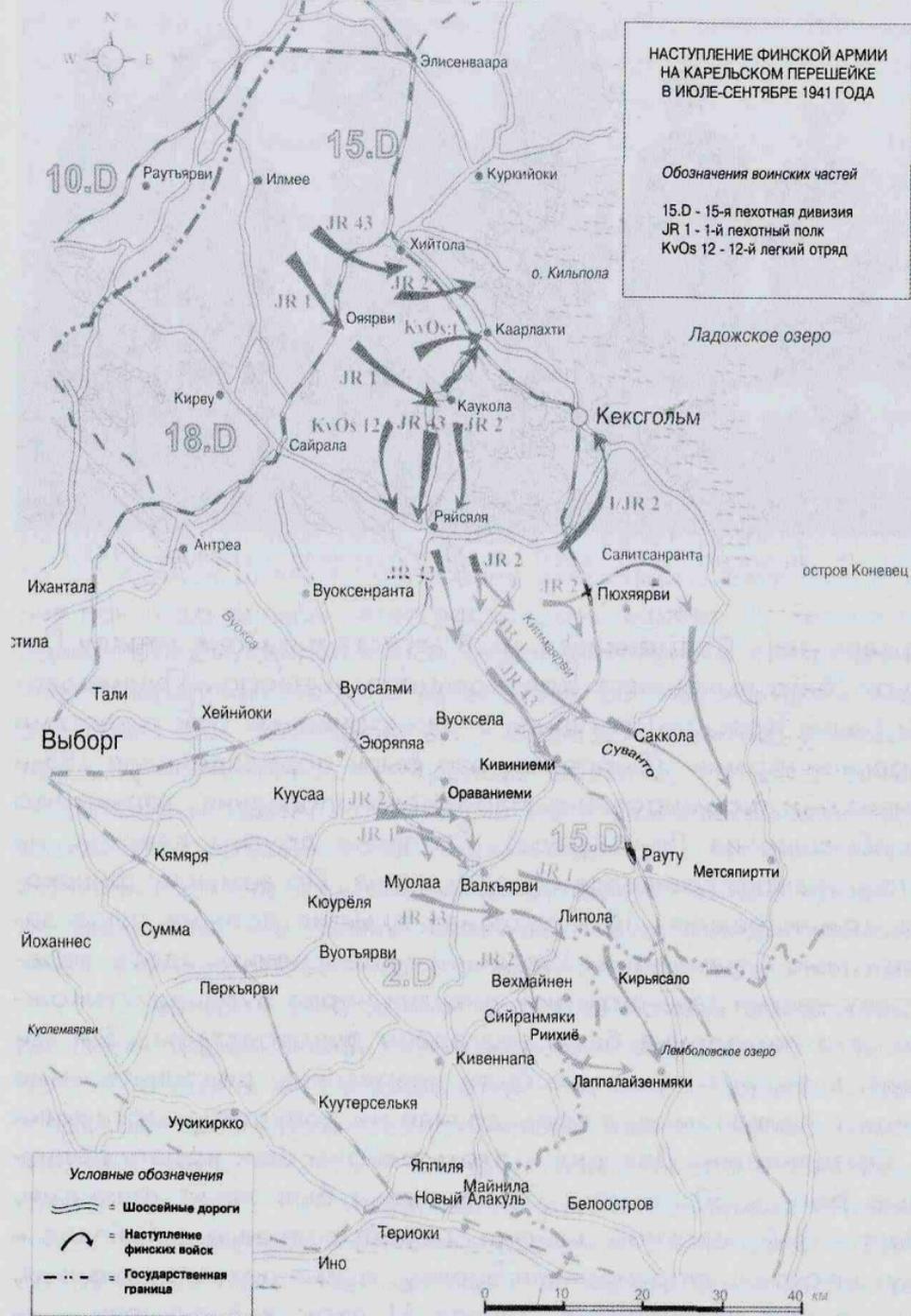
Илл. 46. Финский солдат на берегу реки Сестра.

Илл. 47. Схема продвижения 18-й дивизии к старой границе.

на Финляндию. 1 сентября части 18-й пехотной дивизии перешли старую границу, заняли вышеупомянутую деревню Майнила и на следующий день вышли к окрестностям Старого Белоострова и Александровки (ныне огромный дачный массив между Выборгским шоссе и станцией Белоостров). В этот же день подразделения 2-й пехотной дивизии, переброшенной неделю назад из района Сортавала, приблизились к населенному пункту Охта (близ Елизаветинки).

На востоке Карельского перешейка ситуация складывалась немного иначе. Достигнув к 23 августа линии Вуокса – Кивиниеми – Тайпале, 10-я и 15-я пехотные дивизии несколько дней не предпринимали активных действий. Форсировать бурную протоку у Кивиниеми части 10-й пехотной дивизии не стали, так как на противоположном берегу имелись довольно сильно укрепленные оборонительные позиции войск РККА, а 26 августа быстрым 30 километровым маршем достигли Вуосалми, где по наведенному понтонному мосту переправились через Вуоксу. Затем дивизия ми-

Илл. 48. Действия 10-й пехотной дивизии в августе-сентябре 1941 г.

Илл. 49. Маннергейм со своей свитой в Майниле. Сентябрь 1941 г.

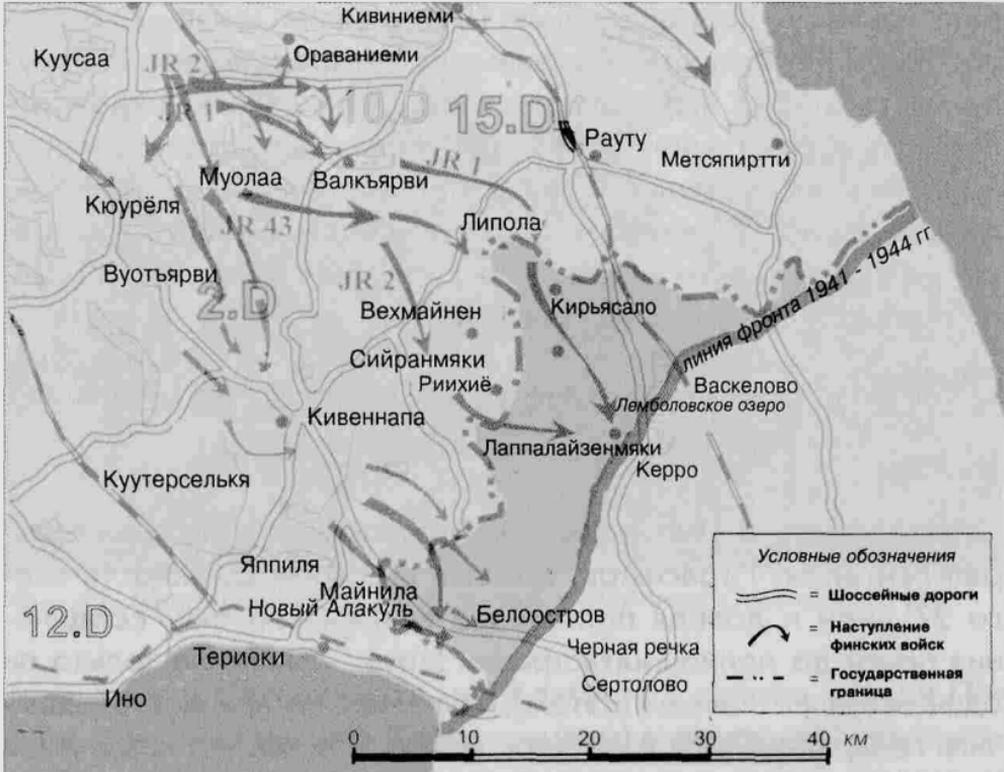
новала реку Салменкайта, и 28 августа в районе между Пасури (близ нынешнего Колокольцево) и озером Пуннусъярви [ныне Красное] вступила в ожесточенный бой с частями Красной Армии. (Вероятно, это были подразделения 198-й дивизии и формирования Народного ополчения, только что прибывшие из Ленинграда). Согласно другим данным, на этом участке сражался отряд Умнова. По замыслу финского командования, 10-я пехотная дивизия должна была занять мыс Ораваниеми [Беличий] и обеспечить здесь переправу частей 15-й пехотной дивизии через Вуоксу. Возможно, это намерение было разгадано руководством 23-й армии, в связи с чем туда были направлены дополнительные силы с приказом ни в коем случае не допустить противника к Ораваниеми. Два дня в этом районе шли кровопролитные бои, и 30 августа Ораваниеми был занят финнами. Части 15-й пехотной дивизии, переброшенные с Тайпале и Сувантоярви, форсировали Вуоксу, а 10-я пехотная дивизия, продолжив наступление, заняла 31 августа Валкъярви и на следующий день вышла к Липола. 2 сентября, перейдя ста-

рую границу, подразделения 10-й дивизии заняли Кирьясло. Части 15-й пехотной дивизии после форсирования Вуоксы наступали по направлению к Рауту [ныне Сосново] и далее к Раасули [ныне Орехово]. Некоторые подразделения 15-й дивизии, стоявшие у Тайпале, переправились через Тайпалеен-йоки и 2 сентября достигли селения Таппари на берегу Ладоги. Таким образом вся финская часть Карельского перешейка была освобождена.

7. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ ОСЕНЬЮ 1941 ГОДА

31 августа 1941 года командующий 23-й армией генерал-лейтенант Герасимов, пробыв на своей должности всего 27 дней и доведя положение вверенного ему соединения почти до полной катастрофы (хотя, может, не только он один оказался повинен в этом), был снят. На его место назначили генерал-майора А.И. Черепанова. Вот как это назначение описывает сам Черепанов: «... После доклада К.Е. Ворошилов в присутствии А.А. Жданова объявил, что 23-я армия под напором финнов отходит, и что я назначаюсь командующим этой армии <...> Я открыл было рот, чтобы сказать «Слушаюсь!», но Ворошилов предупредил: «Одно прошу — не заверяйте, что только через ваш труп пройдут. Живите себе на здоровье, но не пропустите противника».

1 сентября 23-я армия получила приказ обороняться по линии Карельского Укрепленного Района (КаУР), построенного еще в конце двадцатых — начале тридцатых годов и проходившему по рубежу; Финский залив — Белоостров — Медный завод — Охта — Лемболовское озеро — Никулясы (берег Ладоги). По мощи своих долговременных огневых точек, препятствий и глубине обороны КаУР превосходил сооружения линии Маннергейма. В связи с переносом советско-финляндской границы весной 1940 г., многие подразделения КаУРа (так называемые Отдельные пулеметно-

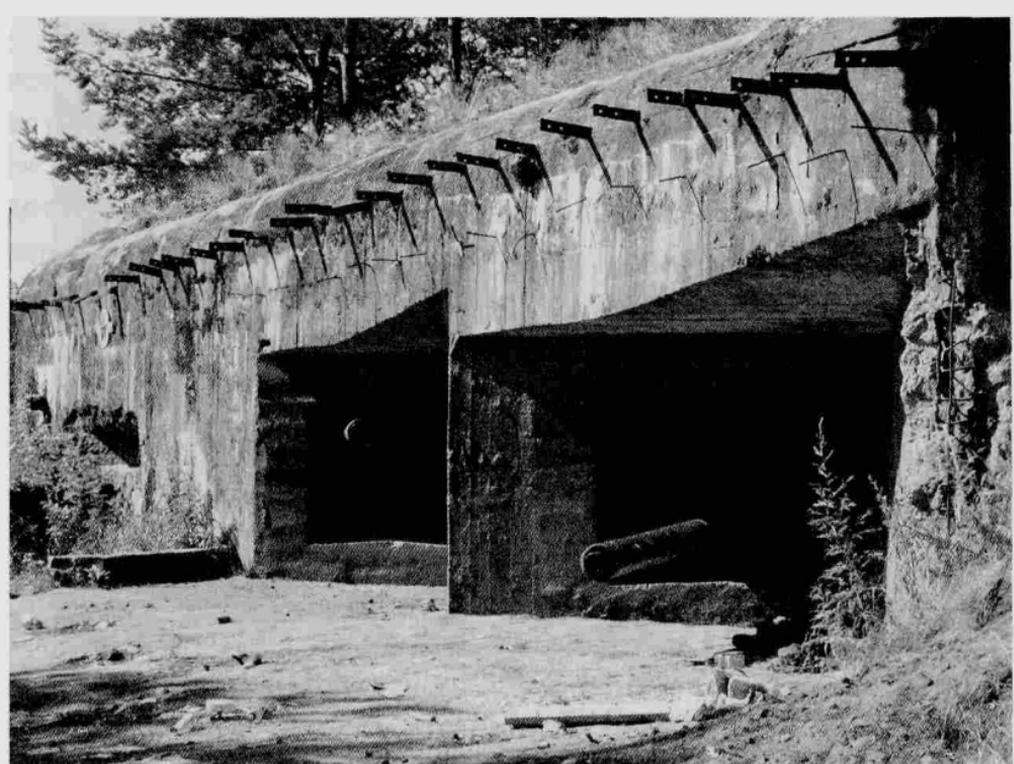

Илл. 50. Линия фронта на Карельском перешейке к осени 1941 г.

артиллерийские батальоны, ОПАБы) были расформированы, а некоторые ДОТы разоружены. Часть личного состава и вооружения были направлены в августе 1941 г. на другие участки Ленинградского фронта. Вот что установила специальная комиссия, проверявшая в самом начале сентября 1941 года состояние КаУРа в полосе обороны отступившей туда 123-й стрелковой дивизии: «... Траншеи отсутствуют, так как в полевом заполнении на 3 км — 100 человек. Поэтому сделаны только одиночные ячейки полного профиля.

Лемболовский и Елизаветинский УРы обеспечены станковыми пулеметами на 50%, Агалатовский совсем не имеет пулеметов.

Между ДОТами слабое заполнение, не обеспечивающее в ночных условиях, а также на случай наступления противника.

Илл. 51. ДОТ КаУРа к северу от Сестрорецка.

Некомплект личного состава и оружия снижает боеспособность ДОТов. Например ДОТ № 675 имеет 4 амбразуры и на них всего один станковый пулемет, один ручной и всего 5 чел. команды, из числа которой выделяется полевой караул — 3 чел.

Итак, в ночных условиях и при наступлении противника в 4-амбразурном ДОТе будет действовать только одна амбразура <...>

В штарме-23 от 245 сп имеется одна стрелковая рота с пульвзводом. Командиры полка и дивизии просят возвратить ее для полевого заполнения и установки пулеметов в ДОТах».

1 сентября 1941 г. части финской 12-й пехотной дивизии достигли окрестностей Сестрорецка и при поддержке трех танков пытались проникнуть в город по шоссе. На их пути встали всего 26 бойцов отряда под командованием А. Осовского из истребительного батальона. В ходе боя,

Илл. 52. Командир 12-й пехотной дивизии генерал-майор Э. Вихма. (летом 1941 — полковник).

Илл. 53. Командир 123-й стрелковой дивизии полковник Я.А. Паничкин. 1941 г.

произошедшего между Курортом и Оллила [Солнечно финны были остановлены, один их танк уничтожен ручны гранатами. Бойцы батальона отошли к Ржавой Канаве, финские подразделения их не преследовали, предполаг что далее находятся более крупные соединения советск войск, или же финны вообще не имели приказа на дальн шее наступление. Так или иначе, но никаких резервов у Кр ной Армии здесь не было. Лишь горстка людей из отрз А. Осовского, входившего в вышеупомянутый истребите ный батальон, остановила финнов на пути к Ленинграду. Бо ше на этом участке серьезных боевых действий не вело

К 5 сентября финские войска вошли в полное сопт косновение с КаУРом на всем участке фронта, за исклю нием нескольких мест. К примеру, до Никуляс на берг Ладоги финны не дошли, а остановились неподалеку от с рой границы у Таппари.

4 сентября 1941 г. финские подразделения 12-й пехотной дивизии, перейдя реку Сестра, захватили станцию Белоостров и прилегающую местность. На следующий день части 291-й стрелковой дивизии полковника Трушкина выбили противника из Белоострова. Вот выдержка из донесения начальника отдела боевой подготовки штаба 23-й армии майора А.И. Семенова от 5.9.41: «...Вооружения в ДОТах недостает, обеспеченность составляет не более 50 процентов.

Сегодня с вечера противник вновь все свои усилия направил на овладение Белоостровом и выход на шоссе в целях, очевидно, обхода и окружения УР с юго-запада.

Считал бы целесообразным организацию контратаки с целью отбросить противника за Белоостров и Александровку с последующим созданием мощного и надежного огневого заслона».

5 сентября части финской 18-й дивизии пошли в наступление по направлению к Медному Заводу, но были остановлены Красной Армией и отброшены назад. 11 сентября, после нескольких дней боев, финны снова заняли район станции Белоостров. В этот же день командующему 23-й армии генерал-майору Черепанову позвонил А.А. Жданов. Согласно тексту книги С.М. Исаченко «Долгий путь к победе», тогда состоялся следующий разговор:

— Товарищ Черепанов, — сказал Жданов, — враг взял Белоостров.

— Знаю, товарищ член Военного совета. Меры принимаю, — ответил командарм.

Жданов продолжал:

— Потерю Белоострова ленинградцы восприняли очень тяжело. Надо поднять дух людей. Отбейте город. Об исполнении приказа доложите.

13 сентября в 6 часов утра после тридцатиминутной артподготовки рота из 291-й стрелковой дивизии и отдельный батальон морской пехоты, сформированный 1 сентября и не имевший никакого боевого опыта, пошли в наступ-

ление и, прорвав оборону противника, вышли к станции. На этом продвижение советских частей прекратилось. Об этом бое П. Лукницкий в своей книге «Ленинград действует» пишет следующее: «По неопытности и, как все признают, по глупости своего командира¹⁷ батальон морской пехоты был брошен с полукилометрового расстояния по болоту в лобовую атаку на финнов, занимавших хорошо укрепленные позиции в городе (имеется в виду Белоостров), и в том числе мощный Белоостровский дот — не пробиваемую снарядами крепость. Подчиняясь приказу, храбрые люди пошли бесшабашно, в рост, по совершенно открытой местности под пулеметы, минометы и снаряды врага. Конечно, город взять не удалось, две передовые роты батальона подверглись почти катастрофическому разгрому, третья, поддерживающая наступление, рота также понесла большие потери, и, таким образом, батальон потерял половину своего состава... Полковник Голубятников разжалован в рядовые и пойдет под суд»... Как выяснилось позже, Голубятников бежал с поля боя, прострелил себе ладонь и на автомобиле уехал в тыл. Его приговорили к расстрелу, но затем заменили расстрел отправкой в штрафной батальон в звании рядового.

Финны контратаковали несколько раз, и к вечеру 13 сентября смогли восстановить прежнее положение. Генерал-майор Черепанов пишет по этому поводу так: «Надо было все начинать сначала. Никакими резервами мы тогда не располагали, и собирать силы для нового удара приходилось с великим трудом — где экономить, а где и рисковать. Командиру 291-й дивизии пришлось вывести из обороны и отрядить для участия в операции весь 181-й полк, заменив его другими подразделениями. Привлекли к делу и отряд пограничников.

Но главная ставка была сделана на 48-й отдельный танковый батальон, который, получив часть танков из 106-го отдельного танкового батальона, выставил для уда-

¹⁷ Полковника Голубятникова (прим. автора).

Илл. 54. Генерал-майор Б.В. Лавринович

нетанковых войск 23-й армии генерал-майор В.Б. Лавринович приказал командиру 48-го отдельного танкового батальона капитану Шалимову ликвидировать задержку и лично возглавить колонну танков. Шалимов с задачей справился, во главе с ним советские танки ворвались в Белоостров, уничтожая противника. За танкистами пошла и пехота. К 8 утра части РККА вышли к реке Сестра, куда вскоре на своем Т-34 прибыл генерал-майор Лавринович, чтобы поставить очередную задачу. К 9 часам утра весь Белоостров был освобожден, финны удерживали только его северную часть с находящимся там мощным дотом.

Сумевшие отойти за реку финские подразделения перешли к обороне и открыли артиллерийский огонь по двигавшимся среди руин Белоострова советским танкам, 16 из которых были подбиты, 4 танкиста погибли. Лавринович получил приказ отвести свои части, и, решив лично руководить

ра по Белоострову 2 танка КВ, 5 — Т-34 и 15 Т-26»¹⁸. Помимо 181-го полка и пограничников, в атаке на Белоостров принимали участие подразделения 1025-го полка, истребительный батальон, 1-й отдельный батальон морской пехоты, партизанская группа и саперы.

В 6 утра 20 сентября началась артподготовка, затем танки и пехота пошли в бой. Из-за несогласованности действий между пехотой и танкистами, продвижение советских частей через некоторое время приостановилось. Начальник автобронетанковых войск 23-й армии генерал-майор В.Б. Лавринович приказал командиру 48-го отдельного танкового батальона капитану Шалимову ликвидировать задержку и лично возглавить колонну танков. Шалимов с задачей справился, во главе с ним советские танки ворвались в Белоостров, уничтожая противника. За танкистами пошла и пехота. К 8 утра части РККА вышли к реке Сестра, куда вскоре на своем Т-34 прибыл генерал-майор Лавринович, чтобы поставить очередную задачу. К 9 часам утра весь Белоостров был освобожден, финны удерживали только его северную часть с находящимся там мощным дотом.

¹⁸ По другим данным, в бою приняли участие шесть КВ, восемь Т-34 и двадцать Т-26 (прим. автора).

*Илл. 55. Рабочие Ленинграда у воинов 198-й дивизии.
Сентябрь 1941 г.*

отходом, вылез в какой-то момент из люка Т-34 и сразу был убит. Его похоронили в Ленинграде, посмертно наградив вторым орденом Красного Знамени... В дальнейшем финские войска попыток овладения районом станции Белоостров не предпринимали. По советским данным, в боях за Белоостров финны потеряли убитыми и ранеными около 500 солдат и офицеров.

Утром 19 сентября 1941 г. на Карельском перешейке произошел серьезный бой у селений Троицкое и Симолово (ныне огромный дачный массив Васкелово у пл. 54 км). В этот день частям 23-й армии (2 сводных батальона из остатков 65-го и 147-го стрелковых полков 43-й стрелковой дивизии) удалось выбить финские подразделения 15-й пехотной дивизии из вышеупомянутых населенных пунктов. Бой длился более семи часов, финны отступили, Красной Армии в трофеи достались три орудия, один станковый и два ручных пулемета.

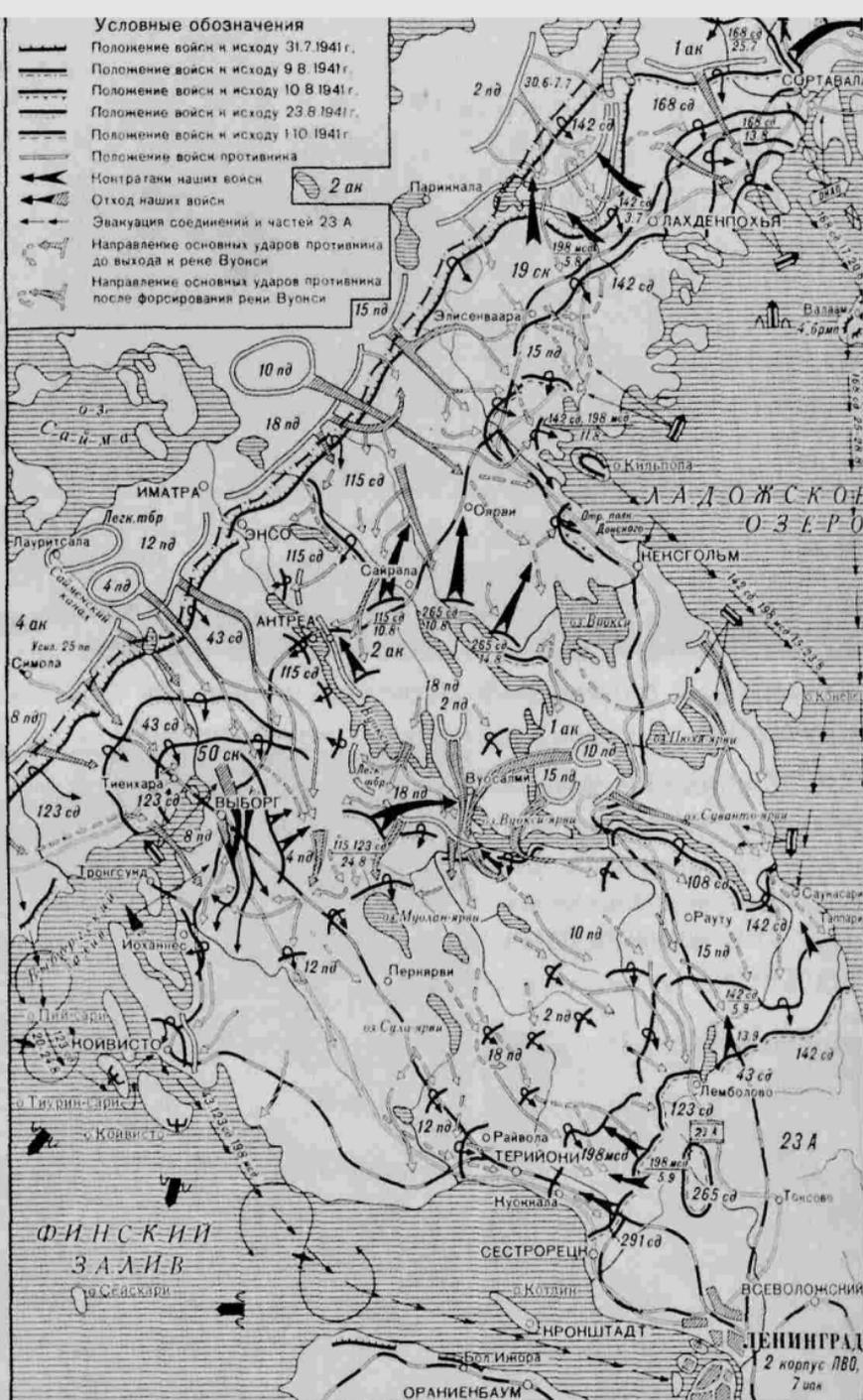
К этому времени обе стороны были сильно измотаны в боях. Маннергейм еще 9 сентября отдал приказ о прекращении наступательных действий на Карельском перешейке. Исключением был лишь Белоостров, вторично занятый финнами 11 сентября и затем освобожденный Красной Ар-

Илл. 56. Среди попавших в финский плен были и женщины-красноармейцы.

Илл. 57—58. Справа — пленный красноармеец у Ахиярви. Внизу слева — оказавшийся в плену генерал-майор Кирпичников дает прикурить генерал-лейтенанту Эшу.

Илл. 59. Оборонительная операция 23-й армии на Карельском перешейке (июль-сентябрь 1941 г.)

мией, ибо приказ о его захвате был отдан еще более недели назад, 2 сентября.

В середине сентября 1941 года Маннергейм посетил Карельский перешеек и побывал, в том числе, в Майниле. Примерно в это же время он распорядился перебросить 4-ю и 8-ю пехотные дивизии с Карельского перешейка в Карелию. Ни о каких попытках финского наступления на Ленинград, приняв во внимание вышеизложенные факты, и речи быть не могло.

Учитывая, что финны на Ленинград наступать не намерены, в конце сентября часть боеприпасов 23-й армии передали на другие участки Ленинградского фронта. Генерал-лейтенант (а тогда генерал-майор) Черепанов по этому поводу пишет следующее: *«Жданов сказал, что, судя по всему, на Карельском перешейке стало поспокойнее и 23-й армии следовало бы поделиться боеприпасами с теми, кто по-прежнему отбивается от врага.»*

Что я мог ответить? <...> Подумав немного, я сказал: — Решайте сами, Андрей Александрович. Вы знаете, что 23-я армия вытянута в нитку и что она прикрывает не только город с севера, но и все богатства фронта, его склады и базы...

<...> Боеприпасами пришлось поделиться и установить еще более строгий контроль за расходом снарядов, мин, патронов. Скажу откровенно, боеприпасов у нас осталось теперь на 15 минут хорошего боя».

Последние серьезные бои на Карельском перешейке осенью 1941 г. произошли в начале ноября. Ночью 3 ноября финны совершили вылазку на передний край советской обороны, и уничтожив несколько часовых отошли назад. Днем финны снова атаковали. Согласно некоторым данным, они хотели захватить Каменку, что располагалась в нескольких километрах от Белоострова. Чтобы пресечь эту попытку, частям 291-й стрелковой дивизии было приказано перейти в контрнаступление и захватить Александровку. Бой про-

Илл. 60. Политотдел 198-й дивизии. 1941 г.

должался до вечера. На следующий день, 4 ноября, 2 дивизия продолжала атаковать противника. Финны обнялись и несколько раз сами переходили в контратаку. 5 ноября на этом участке также шли бои, но советским войскам так и не удалось занять Александровку. Потери 198-й Армии в этом районе в период с 3 по 6 ноября 1941 г. составили 43 человека убитыми и 102 ранеными. Судя по сравнительно небольшим потерям, бои имели довольно потекучий характер, что, возможно, было связано и с недостатком боеприпасов в 23-й армии, и с нежеланием советского военного руководства ввязываться в серьезное сражение с финнами.

7 ноября 1941 г. у Белоострова финны установили громкоговорители, которые кричали: «Русские, давайте примкните к нам, мы одинаково ненавидим и немцев, и болгар, и воевать больше не хотим!» Как написал в своем дневнике П. Лукницкий по этому поводу, «финская военщина открыто признает свои антигитлеровские настроения».

В конце ноября 1941 г. с Карельского перешейка под Тихвин перебросили 198-ю мотомеханизированную (а фактически стрелковую) дивизию. В обороне остались только 291-я, 123-я, 43-я и 142-я стрелковые дивизии, две из которых (43-я и 123-я) подверглись почти полному разгрому под Выборгом, но сохранили свое знамя, и, отступив к КаУРу, не были расформированы. 265-я стрелковая дивизия, понесшая большие потери под Ряйсяля, находилась в резерве¹⁹. Также, согласно некоторым источникам, у Сестрорецка находился полк Народного ополчения. С финской стороны на Карельском перешейке к концу осени стояли пять дивизий (12-я, 18-я, 2-я, 10-я и 15-я).

При желании, политической воле и конкретном приказе, перебросив дополнительно на перешеек пару дивизий с других участков фронта, финны могли прорвать оборону 23-й армии и дойти до Ленинграда. Этого они не сделали, и тому есть ряд веских причин, а не только наличие Карельского Укрепленного Района на подступах к городу Великого Ленина.

8. ПОЧЕМУ ФИННЫ НЕ НАСТУПАЛИ НА ЛЕНИНГРАД

Немецкое командование ожидало, что финские войска будут участвовать в захвате Ленинграда. 20 августа 1941 г. Гитлер уполномочил генерала Эрфурта заявить Маннергейму, что Германия надеется на сосредоточение крупной группировки финских войск к северу от Ленинграда. Маннергейм отрицательно отнесся к этому и сказал о необходимости посоветоваться по данному вопросу с президентом и правительством. Эрфурт понял, что финны ни в коем случае не хотят участвовать в операции по захвату Ленинграда. В конце августа немцы вновь просили Маннергейма об усилении

¹⁹ По некоторым источникам, почти половина личного состава 265-й дивизии были сотрудники НКВД. Вероятно, дивизия стояла не в резерве, а в ближайшем тылу и могла использоваться в качестве заградительных отрядов в случае отступления красноармейцев (прим. автора).

военных действий в направлении Ленинграда. После нескольких дней совещаний с министром обороны Валденом и президентом Рюти, последний дал разрешение на переход старой границы на Карельском перешейке и на дальнейшее продвижение финских войск до района Черной Речки (что у Сертолово). Условием этого была поставка из Германии в Финляндию 25 тысяч тонн зерна. Возможно, если бы зерна или иных продуктов дали намного больше, то финны дошли бы до Ленинграда или даже до Урала. Но это маловероятно. Торг, видимо, был неуместен... (Кстати, захват финскими войсками Белоострова и атака на Медный Завод были как раз и связаны с операцией по продвижению к Черной Речке. Так как из Белоострова финнов выбили, а 9 сентября Маннергейм отдал приказ о прекращении наступательных действий на Карельском перешейке, то о захвате Черной Речки было забыто. Но около 15 тысяч тонн зерна финны от немцев все же получили). 11 сентября министр иностранных дел Финляндии Виттинг заявил послу США Шоэнфельду, что финские войска не будут участвовать в захвате Ленинграда. Виттинг подчеркнул, что эта информация не должна попасть к немцам. Из всего вышеизложенного можно сделать единственный вывод: финны наступать на Ленинград не собирались. Даже попытка прорыва к Черной Речке через Белоостров имела цель лишь продемонстрировать немцам какое-то действие и получить от них зерно. Ни с экономической, ни с политической, ни с военной точек зрения Ленинград был абсолютно не нужен финнам. И вот по каким причинам:

1. При захвате Ленинграда финские войска наверняка понесли бы большие потери. К осени 1941 г. армия Финляндии уже достаточно устала, из ее рядов увеличилось дезертирство, некоторые солдаты добровольно сдавались в плен. Многие отказывались переходить старую границу. Наиболее массовый случай произошел у Термолото в середине сентября, когда почти 200 человек из 48-го пехотного пол-

ка не стали переходить реку Сестра, мотивируя это тем, что они желают защищать Родину, а не воевать в чужой стране. После долгой беседы с командиром полка, около сотни человек перешли реку, но 83 своего мнения не изменили. Их разоружили и арестовали, а состоявшийся 15 сентября военный суд приговорил их к десяти годам заключения с лишением унтер-офицеров званий. В случае наступления на Ленинград подобные события могли повториться в еще больших масштабах, а крупные потери, которые армия, несомненно, понесла бы в боях за город и в городе, вызвали бы недовольство всего финского общества.

2. а). Если бы финская армия вместе с немецкой вступила осенью 1941 г. в Ленинград, то ей пришлось бы держать под своим контролем как минимум треть города, а это почти миллион человек населения. На 17.01.1939 г. в Ленинграде проживало 3 миллиона 191 тысяча человек. К сентябрю – октябрю 1941 г., с учетом эвакуированных и призванных в армию, а также учитывая немалое количество находящихся в городе беженцев и военнослужащих, населения насчитывалось, как полагает автор, около 3 миллионов или чуть меньше. Блокада только что началась, и многие еще не успели эвакуироваться. Финны просто не смогли бы контролировать такое количество людей, а тем более снабжать их продовольствием, ведь в самой Финляндии тогда проживало всего 3 млн. 700 тысяч человек... В то время такие продукты как мука, хлебобулочные изделия, молоко, картофель, мясо, яйца и фрукты были в Финляндии нормированы и продавались по карточкам. Действовал тогда в стране и аналог большевистской продразверстки: определенную часть урожая зерновых и картофеля крестьянин или фермер был обязан продать по фиксированной цене государству или уполномоченной компании. За сокрытие урожая полагалась уголовная ответственность. Финны не только не могли прокормить ленинградцев и пленных красноармейцев, они и сами находились на грани голода! Если бы в ре-

зультате захвата города начался массовый голод и десятки тысяч людей умерли, то финнов, наряду с немцами, обвинили бы в этом, и во всем мире объявили их чудовищами, мерзавцами и палачами. А Финляндия очень хотела сохранить свой положительный имидж в глазах Англии и США. Осенью 1941 г. финны не находились в состоянии войны с этими странами! Англия объявила войну Финляндии только 6 декабря 1941 г., а США вообще финнам войны никогда не объявляли, ограничившись лишь разрывом дипломатических отношений летом 1944 года. (В течение трех военных лет Америка не считала Финляндию союзницей Гитлера! И на это у США, наверняка, имелись веские основания). Финны постоянно твердили, что они ведут свою собственную войну против СССР и не являются союзниками Германии. Известный специалист по политической истории Финляндии Николай Иванович Барышников также отмечает что, письменный договор о «братстве по оружию» между Финляндией и Германией в войне против СССР не обнаружен²⁰.

Захват Ленинграда привел бы к тому, что финским войскам в любом случае пришлось бы участвовать вместе с немцами в карательных мероприятиях, расстрелах, казнях и грабежах. А это еще больше повредило бы престижу Финляндии во всем мире.

б). Взятие Ленинграда вовсе не означало бы победу в войне. А вдруг в дальнейшем судьба повернется к немцам другим боком, СССР и его союзники разгромят Германию, и тогда большевики припомнят бедным финнам захват Ленинграда, вызванный этим голод, десятки тысяч погибших мирных жителей, расстрелы красноармейцев, грабежи, уничтожение памятников, изнасилования и прочее. Не будет тогда пощады финскому народу! Погонят финляндскую армию до Ботнического залива, утолят ее там, 90 процентов фин-

²⁰ «От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг.», С-Пб, 2006 г., с. 202.

Илл. 61. Финские продуктовые карточки.

нов отправят в Сибирь или Казахстан, а часть и вовсе расстреляют. Все финские населенные пункты переименуют в разные Красноармейские, Ленинские, Солдатские, Ульяновские и т.п., а в Финляндию пришлют переселенцев из различных областей громадного Советского Союза. И на стене замка в Турку повесят огромную гранитную плиту с надписью «СТАРИННЫЙ РУССКИЙ ГОРОД»... Боялись такого финны, знали большевистский характер, вот и не лезли в Ленинград, не обстреливали и не бомбили его, и правильно сделали! Маннергейм был очень дальновидным и мудрым человеком, недаром ему памятники в Финляндии стоят.

3. С экономической точки зрения Ленинград и его окрестности ничего особенного финнам бы не принесли, а содержание огромного гарнизона и полицейских формирований потребовало бы колоссальных затрат. В случае уничтожения города немцами, часть вины легла бы на финнов, то см. пункт 2, подпункт б.

Поэтому главный удар финские войска нанесли в Карелии, вышли к Свири (где ждали подхода немцев), а 1 ок-

тября 1941 г. заняли Петрозаводск, население которого на 1939 г. составляло около 70 тысяч человек, и не проводили практически никаких карательных мероприятий.

В Петрозаводске и на занятой финнами части Карело-Финской ССР, а также в некоторых районах Ленинградской области, где проживали родственные финнам вепсы, оставалось, как полагает автор, около 200 тысяч человек. На 1939 г. население Карелии насчитывало 469 тысяч человек. Финские войска захватили примерно две трети территории республики. К тому же часть населения успела эвакуироваться или служила в Красной Армии. Так вот, эти 200 тысяч Финляндия смогла бы «переварить». Тем более, что карелы, хотя их и было меньшинство в этой республике, очень близкий финнам народ, либо положительно, либо нейтрально относящийся к Финляндии. В Карелии, согласно данным на середину 1930-х годов, национальный состав выглядел так: русские – 60%, карелы – около 30%, вепсы – 2,2%, финны – 3,3%, прочие – около 5%. Почти 50% русских проживало в городах, откуда эвакуироваться было гораздо проще. Поэтому процент русского населения в Карелии осенью 1941 г. был невелик. А при захвате Ленинграда местное население, в большинстве своем, разумеется, русское, к финнам относилось бы крайне негативно.

При финской оккупации в Карелии действовали школы, пожарные части, молодых людей посылали учиться в Финляндию. Будучи в свое время в поездке по Карелии, автор сам слышал рассказы многих стариков о хорошем отношении финских солдат к местному населению. Единственное, что подпортило такую идиллическую картину, это организация концентрационного лагеря под Петрозаводском, куда направили большинство русского мужского населения в возрасте от 17 до 50 лет (всего около 10 тысяч человек). Никаких газовых камер и крематориев в этом лагере не было. В случае захвата Ленинграда, финнам пришлось бы организовывать не менее десяти подобных лаге-

рей, а этого они не смогли бы сделать (см. пункт 2, подпункт а). Особых затрат на продовольствие для Карелии не требовалось, ибо местное население выращивало достаточно продуктов для своих нужд.

Огромные лесные богатства, предприятия по переработке древесины, залежи полезных ископаемых (а в Карелии имелись и медь, и железная руда) также учитывались финским руководством при планировании направления главного удара. Лес — это бумага, картон, целлюлоза и т.д. Лес и продукцию из него можно продавать через нейтральную Швецию, тем более, что большая часть промышленности, и деревообрабатывающей в том числе, в Финляндии принадлежала именно представителям шведского меньшинства (шведов было около 11% от общего населения страны), которые поддерживали со своей исторической родиной очень тесную связь. Необходимо заметить, что почти все высшие командные должности в финской армии занимали именно шведы, и во властных и политических структурах их было не менее половины... В общем, «кому война, а кому мать родна». Уж кто-кто, а шведы, и «финские», и «шведские», очень сильно «нагрелись» в годы войны. В случае полного поражения Финляндии весь «шведский» командный состав армии и воротилы большого бизнеса с политиками очень быстро оказались бы в Швеции с туго набитыми карманами и местным гражданством... Так что Ленинград Финляндии был абсолютно не нужен. Наступать на него, захватывать, удерживать и нести при этом огромные потери (как людские, так и финансовые) не имело для финнов никакого смысла и экономически совершенно не выгодно. Капиталисты очень хорошо умеют подсчитывать свои доходы и расходы, поэтому осенью 1941 г. финской правящей верхушке (а Финляндия являлась, разумеется, страной капиталистической) было выгоднее захватить Карелию, а не Ленинград. Вот что писал по этому поводу находившийся в 1941 г. в Ставке Маннергейма немецкий генерал Г. Хельтер: «Финны дей-

ствовали глубоко обдуманно <...> и проводили свои операции только там, где это казалось выгодным».

Вторжение в Советскую Карелию рассматривалось большей частью финского общества как освобождение братского карельского народа. В случае с Ленинградом ситуация сложилась бы совершенно иная. Большинство финнов отнеслось бы к этому отрицательно. Следует учесть, что в Финляндии во время войны сохранялись демократические институты власти, был президент и парламент, состоявший из представителей различных партий. Недовольство народа привело бы к дестабилизации политической обстановки, и последствия этого были бы непредсказуемы.

В качестве иллюстрации к вышеописанным событиям мы приводим отрывки из первой книги П. Лукницкого «Ленинград действует»:

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
РЕЙД ПО ТЫЛАМ ВРАГА
(Карельский перешеек, осень 1941г.)

«.. .В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия...»

Из речи И.В. Сталина 3 июля 1941 года.

5 июля 1941 года, по решению Военного совета Ленинградского военного округа, в городах и районах Ленинградской области было создано 79 истребительных батальонов для борьбы с фашистскими парашютистами и диверсантами. В них вступило больше 17 000 человек. По приказу К.Е. Ворошилова и А.А. Жданова от 12 июля 1941 года, в дивизиях народного ополчения за несколько дней было создано шесть истребительных полков, а на крупных предприятиях Ленинграда — десятки отрядов для выполнения специальных заданий в оккупированных противником районах. В тылу врага, в этих прилежащих к Ленинграду районах, летом 1941 года были оставлены для самостоятельных действий многие сотни советских активистов, в их числе 88 секретарей райкомов и горкомов партии и 29 председателей райисполкомов...» (Из опубликованных архивных материалов.)

Многие части 23-й армии, подразделения береговой обороны, защитники Выборга и Выборгских островов, прижатые к берегу Финского залива и окруженные, после тяжелых, изнурительных боев были в критический момент 1 сентября вывезены в Кронштадт и Ленинград транспортом, канонерскими лодками, катерами Балтфлота. Их прикрывали огнем эсминцы и сводные отряды морской пехоты. Всю вторую половину августа эвакуация людей и грузов производилась по ночам на баржах, буксируемых судами торгового флота, хотя море кишело минами и вражеская авиация совершала налеты. Один только латвийский пароход «Меднис» вывез много тысяч людей и больше 10 тысяч тонн грузов. Три крупных транспорта — «Мееро», «Отто Шмидт» и «Барта», сопровождаемые двумя тральщиками и двумя катерами, в ночь на 2 сентября 1941 года вышли из Кронштадта к Койвисто (Приморску). В пути транспорт «Мееро», подорвавшись на mine, погиб. Остальные суда, подойдя на рассвете к обстреливаемому из орудий молу Койвисто за полчаса погрузили около 6 тысяч бойцов, командиров и политработников. В тот же день под артиллерийским обстрелом и бомбежками с воздуха они со спасенными людьми благополучно вернулись в Кронштадт.

13 сентября из вражеского тыла, великолепно выполнив специальное задание, вышел наш разведчик, младший лейтенант Георгий Семенович Иониди. Он был истощен, болен, но для крепкого его организма достаточно было нескольких дней отдыха, чтобы он мог с прежней энергией вновь взяться за боевую работу.

Илл. 62. Командир группы разведки младший лейтенант Георгий Семенович Иониди (1941 год).

На передовых позициях под Белоостровом, в Каменке, в отдельном особом батальоне морской пехоты, осенью 1941 года я познакомился и подружился с ним.

Записанный мною тогда же и проверенный в разведотделе дивизии рассказ Г.С. Иониди о его двухнедельном рейде по тылам врага хорошо иллюстрирует обстановку того времени на Карельском перешейке.

Иониди рассказывал о себе тихим голосом, хорошо и просто строя речь, давая зрительную ясность боевым эпизодам, раскрываемым передо мною. Стройный, черноглазый и черноволосый, с резкими чертами смелого, выразительного лица, он располагал к себе с первой минуты знакомства.

Человек интеллигентный, еще недавно студент Института имени Лесгафта, грек по национальности, родившийся в Одессе в год Октябрьской революции, Иониди, после окончания семилетки и ФЗО, был токарем в Керчи, на металлургическом заводе имени Войкова, потом плавал на паруснике «Товариш», на судах Черноморского пароходства — «Крыме», «Грузии» и других, был матросом, боцманом, штурманом. Приехал в Ленинград и стал преподавателем парусного спорта на базе «Спартак», на Каменном острове. По спецнабору был взят в школу младших лейтенантов НКВД в Кингисеппе, окончил ее и, демобилизованный, был уволен в запас, а затем, окончив спецфак Института имени Лесгафта, стал преподавателем физкультуры и военного дела. В январе 1940 года ушел добровольцем на финский фронт, командовал разведвзводом, разведротой, вступил в партию, ходил в глубокие рейды в тыл к финнам, был ранен. После финской войны работал в Териоках заместителем председателя горкома физкультуры. 22 июня, через час после сообщения о начале войны, подал рапорт с просьбой отправить добровольцем на фронт. 3 июля он оказался в 44-м батальоне аэродромного обслуживания, командовал взводом охраны аэродрома, а во время отхода наших частей был оставлен в тылу противника с заданием уничтожить аэродром и склады боепитания.

14 дней Иониди пробыл в тылу врага без связи с частями Красной Армии. За четверо суток, с 31 августа по 3 сентября, Иониди уничтожил склады боепитания, подорвал военный аэродром в Яппиля, военный городок, контейнеры (баки для горючего), тракторы на станции Местер-ярви, уничтожил эшелон с вешевым довольствием, продук-

тами и кожей на станции Яппиля, сжег подсобные хозяйства завода «Вулкан», Монетного двора и завода Степана Разина. В распоряжении Иониды были два бойца — Николай Борисов и Алексей Басков.

Обо всей этой поистине трудной работе стоит рассказать в подробностях. Повествование Иониды я записал дословно:

«30 августа. В девять часов утра ушли наши части. Я остался с Борисовым и Басковым. Со станции Яппиля на аэродром проходит дорога. Финны подходили по ней, в трех километрах от аэродрома завязался бой. Пока шел этот бой, я, перевозя фугасы на оставленной мне автомашине — стартере, занимался порученным мне делом. Машиной управлял Борисов, Мы брали из склада авиабомбы и вывозили их на летное поле. Наступила тьма, подрыв бомб пришлось отложить до утра. Чтоб не попасться финнам, мы выехали к дороге, запрятали машину в лесу, сами расположились у обочины...

В 12 ночи на бугре между станцией и нами появились тени — какие-то люди вели по песку велосипеды. Мы окликнули этих людей. В ответ — огонь автоматов. Финны залегли наверху, мы отвечали снизу. Видеть нас они не могли, а мы ясно видели их силуэты на фоне неба, когда они поднимались. Так перестреливались мы до четырех утра. Чтоб не обнаружить себя по вспышкам, мы стреляли короткими очередями, часто меняя место. С левой стороны от нас было озеро, справа — бугор с горелым лесом и второе озеро, — дорога шла через перешеек, и мы не боялись, что нас обойдут, В четыре часа финны отползли. Я послал Баскова разведать, и он, вернувшись, сообщил, что финны ушли по канаве, оставив восемь следов от велосипедов и кучки стреляных гильз.

К утру мы начали взрывать бомбы бикфордовым шнуром, — у меня уже был опыт, потому что перед тем я также взрывал аэродром в Макслахти. Взрывал я фугасные бомбы, подкладывая под них «гризунтин» и отбегая на полкилометра. За день, до вечера, я сделал пятьдесят—шестьдесят взрывов, а потом мы стали работать врозь, делая одновременно по три взрыва...

Вечером, в темноте, зажигать городок я не решился, чтоб не привлекать внимания противника. Решил отойти в лес до утра. Здесь, у стратегической железной дороги, столкнулся с оставшимся в тылу финнов нашим железнодорожным батальоном. Присоединился к нему. Батальон шел занимать линию обороны, командиры и бойцы не знали, что уже находятся в окружении, что противник занял станцию

Ино, позади нас. С ними, лежа в обороне, пробыл я до утра. Они сначала не поверили мне, что финны уже обстреливали станцию Яппиля, и тогда я предложил им уточнить положение, съездив на станцию на одной из двух имевшихся у них автодрезин. Пооткрывали в вагончике автодрезины окна, выставили пулеметы и автоматы, выехали на разведку, пустив на случай минирования перед собой пустую платформу.

Доехали до станции Яппиля без приключений, увидели здесь следы боя, бойца с отрезанными ногами, обмотанными плащ-палаткой, — боец этот просил его пристрелить. Вокруг лежали другие раненые. За семафором станции Яппиля нас обстреляли пулеметным огнем с обеих сторон. Мы дали задний ход, вернулись на станцию. Здесь, на станции Яппиля, стоял состав — эшелон какой-то хозчасти: продукты, кожа, шесть мотоциклов на платформе. Уничтожать его я сразу не стал, так же как не стал и взрывать станцию, потому что командир батальона утверждал, что где-то здесь должен действовать наш бронепоезд, которому еще могут понадобиться пути. Позже оказалось, что, отрезанный взрывом, этот бронепоезд был спущен под откос между Ино и Териоками.

Мы вернулись к батальону, я узнал, что здесь поблизости есть еще 11-я погранзаезда и морской пост. Решил оставить Борисова и Баскова на аэродроме — кончать уничтожение складов, городка и прочего, а сам, с шофером дрезины, на автостартере поехал к станции Ино. У поворота возле станции Ино, при въезде под железнодорожный мост, вижу брошенный на дороге обоз. Мы объехали его с левой стороны по движению и сразу попали под огонь противотанковой пушки из-под моста. А сверху, из вагонов, стоявших на железнодорожной насыпи, нас осыпали автоматным огнем «кукушки». Развернуться было нельзя, я вылез из кабины, встал на ступеньку, шофер дал задний ход, и мы выскочили за поворот. Я понял, что Приморское шоссе занято, железная дорога тоже и что мы прижаты к Финскому заливу со всех сторон. Еду обратно на аэродром, встречаю отступающие части 115-й дивизии и 28-го кап, узнаю, что Койвисто занят. Жители из Выборга и Койвисто вывезены морским путем 1. Направляюсь с Борисовым и Басковым пешком на станцию Яппиля. Здесь безлюдно, ни единой живой души. Уничтожаем состав, бронбойно-зажигательными пулями поджигаем контейнер с бензином, две брошенные автомашины и выходим обратно к аэродрому, а шофер дрезины уходит в батальон — сообщить обо всем. Нагружаю

машину продуктами, вывожу на Приморское шоссе, на котором находятся отступающие части, раздаю продукты командирам. Бойцы по три, по пять дней ничего не ели. Делаю еще два рейса и затем сжигаю склад с оставшимися продуктами — последнее здание аэродромного городка. Садимся на машину, выезжаем к железнодорожному батальону. Затем я пытаюсь объединить отступающие части для прорыва окружения, но это не удается. Тогда, выбрав на Приморском шоссе в помощь себе двух человек — пулеметчика и автоматчика, еду на машине к станции Местер-ярви. Теперь нас пятеро. Оставив шофера с машиной в полукилометре от станции, идем вчетвером на станцию. У шлагбаума гряда войскового имущества и в ней «кукушка». Другая — на противоположной стороне железнодорожного пути, под елкой, на горке. Они простреливают железнодорожный путь, по которому мелкими группами идут бойцы отступающих частей. На пути уже полно трупов — у всех в карманах дикие яблоки. Оставляю моего автоматчика, сержанта Александрова, у железнодорожной будки, он залегает возле ската колес вагона-ледника и открывает огонь по «кукушке», засевшей в гряде лома. Борисов заползает в тыл к этой «кукушке», а я с Басковым переползаю путь, чтоб взять вторую «кукушку». Оба финна нам отвечают, а Александров отвлекает их огонь на себя, стреляя по обоим, пока мы переползаем. Не доползли мы метров тридцати—финский снайпер повернулся, притулясь к дереву, обстрелял нас. Тут я и Басков дали по автоматной очереди, сняли снайпера. Подошли к нему с опаской — еще в агонии был. Забрали автомат, шесть дисков и — в рюкзаке — четыреста патронов. Нашли в рюкзаке четыре пачки сигарет, банку консервированных бобов и две маленькие банки — вермишель с рыбой да еще черные лепешки. Я снял с пояса «финку», вынул из кобуры парабеллум, оказавшийся неисправным. Борисов уничтожил другую «кукушку», взял автомат, патроны россыпью и четыре диска. Объединились мы, заходим с осторожностью в здание станции. Аппаратура — цела, ток есть. Дую в трубку, «алло» — молчок. Связи нет.

Наверху, на чердаке, что-то шевелится. Если бы финн, снял бы нас раньше. Окликаю: «Вылазь!» Борисов одновременно выносит из каморки начальника станции винтовку и подсумок—под матрацем нашел. А тот сверху мне откликается: «Не стреляйте, свои!» Сходит— фуражка железнодорожная, шинель без петлиц, брюки железнодорожные, напужком.

— Кто?

— Боец...

— Что за маскарад?

— Здесь оделся...

— Где оружие?

— Под матрацем...

— Чего бросил винтовку?

— Нет силы нести.

— А на чердаке как оказался?

Ребята мои:

— Шлепнуть его надо!..

Я открываю банку консервов, достаю финские лепешки, посылаю моих ребят, одного — на чердак, другого — к контейнеру, третьего — туда, где убита «кукушка». Занимаю станцию. Сам с Борисовым и с этим «воякой» — на станции. Дал ему покушать, — ест, захлебывается, банку с бобами уплел всю. Начинаю расспрашивать:

— Жена, дети есть?

— Есть...

— Где?

— В Ленинграде.

— В плен захотел?

Молчит.

— Что с тобой делать?

Не отвечает. Борисов мне;

— Товариш командир, расстрелять надо — изменник!

Тот в лице меняется, слезы, но не просит ничего.

Спрашиваю:

— Наелся?

Разговор веду запросто: что, мол, ты делаешь? Бери к винтовку, надевай подсумок!.. И посылаю его туда, где к была «кукушка». Тот исполняет.

Так шестой человек прибавился!

А у Борисова к врагам особенная ненависть — семья его на Кубани осталась, где он был преподавателем. Басков тоже горячий, его семья в оккупированной зоне осталась, мать была в Ленинграде. Басков этому нашему «новобранцу»:

— Знаешь, у нас назад не бегают, не то пуля!

Так этот боец и остался у нас. Сидим на станции Местер-ярви

до девяти вечера. Из наших частей никто не проходит. Финнов нет. Тихо. Приказываю ребятам быть здесь, беру Борисова, пулеметчика и еду на машине туда, где на шоссе оставил наши части. Говорят, что железнодорожный батальон уже прошел лесом. Говорят мне это пограничники, у которых машина стала. Отдаю им мой автостартер, у них раненые были. Беру продукты в рюкзаки, боеприпасы (гранат было много, уходим, зажигаем подсобные хозяйства завода «Вулкан», завода Степана Разина и Монетного двора. Являемся пешком на станцию Местерьярви. Взрываем контейнеры, два трактора ЧТЗ и все сваленное в груду барахло. Забираю своих и мимо поселка имени 1-го Мая перехожу железную дорогу, веду своих на восток. Пересекаю лесом железную дорогу, идущую от Райволы, и по правой ее стороне — на юго-запад, к Териокам, думая, что — не заняты.

Идем тропинкой от будки к будке, слышим выстрел. Чуть ближе еще один. Остановились. Поворот железной дороги, из-за поворота — финский велосипедист. Проезжает и дает одиночные выстрелы вверх, делает вид, что тут много финнов. Снимаем его. Винтовку нашего «шестого» разбиваем, затвор выбрасываем, даем ему автомат. Велосипед ломаем, с агажника снимаем сверток. В свертке пачек шесть «Беломора», кило полтора масла и нашей выпечки хлеб, — видно, из сельского кооператива взял. Документов нет.

Движемся вдоль железной дороги к развилке Мятсякюля—Териоки. Местность я знаю, у меня карта, компас. Неходя до станции Мятсякюля, видим: по лесу продвигается группа, принимаем сначала за финнов. Притаились, видим: наши, человек 35. Трое раненых, военфельдшер, студентка второго курса Военно-медицинской академии, ранена осколками мины в обе ноги еще где-то под Выборгом. Идет! Второй — в живот две пули, полотенцем замотан, идет! Третий — в руку. Просят разрешения присоединиться, так как не знают местности. Остановливаемся, делаем привал. Делим наши запасы продуктов. Девушке и другим раненым — больше.

Ведем их к станции Мятсякюля. Подходим, впереди треск автоматов. Завожу всю группу в лес, сам со своими в разведку. Заходим на станцию. Следы боя. Убитые. У перекрестка шоссе и железной дорог — взорванный бензозаправщик, рядом три обгорелых трупа. У станции догорающие бревна, человек 15 со связанными колючей проволокой руками, — трупы огорелые. Рядом в пепле коробки от противогазов, пряжки от поясов... Продвигаемся дальше.

Идуший впереди Борисов поднимает руку. Заходит за кусты. Через несколько секунд ведет человека в красноармейской форме, без оружия. Кто?.. Боец 115-й стрелковой дивизии, был в бою здесь, скрылся в лес, финны прошли к Териокам. Есть «кукушки», указывает где... «Кукушка» — у развилки железнодорожного пути к тупику; старая корявая сосна — на сосне.

Выжидаем. И под очередь «кукушки» своей очередью снимаем ее, чтобы не обратить внимание других. Оружие забрать не удалось, потому что «кукушка» с дерева не слетела. Влезть — значило бы обнаружить себя.

Седьмой просится с нами. Говорим, что без оружия не возьмем: «доставай где хочешь!» Просит разрешения пойти поискать. Отпускаем. Посылаю следом Борисова с приказом пристрелить, если мотнется. Через несколько минут тот возвращается, несет две винтовки, под сумки. Берем его с собой, возвращаемся к группе.

Решаем, что в этом направлении пройти не удастся. Отходим на восток. Отойдя километра на три от станции Мятсякюля, пробую выйти на шоссейную дорогу. Обстреливают. Уходим дальше на восток. Недалеко, на северо-востоке, работает батарея, бьет через наши головы к Териокам. Финская... Наталкиваемся на провода. Перерезаем тонкий — финский — провод. Проселочную дорогу в этом месте проходим пятками вперед. Батарея не работает. Впереди шум движущихся тракторов.

Оставляю группу, с шестью своими иду в разведку. Темнеет. По дороге — движение: тягачи с прицепами, грузовые машины. Идут с затемнением, слышны финские разговоры. Выжидаем момента. Посылаю человека на другую сторону дороги. Перешел благополучно, залег, подтягиваем людей группы. Переправляю их по одному через дорогу. Сам с автоматом и своими лежу у дороги. Шум приближающихся машин, впереди них группа велосипедистов. Пропускаем. Когда машины с пехотой — все солдаты пьяные — проехали, вновь переправляю людей через дорогу. Так три раза, пока переправил всю мою «подшефную» группу. Скрываемся на противоположной стороне, за бугром. Перед нами река. Ищем брод, погружаемся с головой — брода нет. Высылаю вправо, влево разведку. Находим островок, на него — бревна, с островка — нам по пояс. На противоположной стороне — санные сараи. Мы продрогли, зарываемся в сено, оставляем часовых, засыпаем...

С рассветом дальше. Питаемся брусникой, нас больше 40 человек, девушка с нами, я ей пару пачек печенья сберег. Натыкаемся на брошенный финский лагерь. Окопы отрыты для стрельбы стоя. Торбы, брошенные, со смесью: сеченая бумага, и отруби, и сырой горох. Завтракаем горохом. Впереди стрельба. Я со своими иду в разведку, слышу — тут стрельба, как на линии фронта, пройти нельзя. В тылу уже тоже стрельба. Возвращаемся обратно к группе. На том месте, где оставили, — никого нет, дальше — четыре трупа. Узнаем лица тех людей, которые шли в нашей «подшефной» группе. Идем по следам километра полтора, догоняем остальных: бегут табуном. Девушки уже нет, нет лейтенанта (он и она были из гаубичного полка; среди убитых я их не видел). Недосчитываемся двенадцати человек. Обстреляли их, оказывается, неожиданно, из кустов.

Эта девушка говорила мне, что она племянница профессора Воячека и будто бы дочка одного из высших командиров Черноморского флота. По национальности она латышка. Больше мы их не видели.

Идем дальше. Присоединяется еще группа — человек семьдесят. Вел ее начальник штаба какого-то артполка, старший лейтенант. У него карта мелкомасштабная. Веду их по своей. Переходим речку по дамбе мельницы.

Впереди — следы пребывания финнов. Идем на восток. Впереди дым, голоса — разговор финский, слева стук лопат. Оставляю группу, сами идем вперед. Справа — финская кухня, слева — роют окопы. Народу у меня в много, я не рискую; заходим в низенький котлован, мелким кустарником, по болотистой почве. Впереди проселочная дорога. Решаю подождать темноты. Выдвигаю охранение. Возвращается из охранения Борисов:

— В нашу сторону идут по тропинке двенадцать финнов!

Он подслушал фразу из разговора по-русски: «Осторожнее, они с автоматами...» Финны прошли, не заметив нас. Они нас могли видеть, когда мы переходили по дамбе. И все-таки они нас замечают, начинают обстреливать. Открываем автоматный огонь в сторону кухни, бросаем гранаты, через дорогу перешли без потерь.

Идем дальше. Две параллельные дороги — проселочная и щебневая, грунтовая. Подходим к ней, выходя из кустов. Впереди — вырыты окопы, в них — двенадцать финнов, в том числе офицер. Открывают огонь... Заскакиваем в окопы, с двух длинных очередей четверых убили. Наши, шедшие сзади, поворачиваются, убегают влево, и

с ними с тех пор я не вижу. Бросаю гранаты, бегу на разрывы. Пять человек за мной. Впереди — поляна, у дороги. С опушки бьет автоматчик. Отбегаю вправо, в кусты, обхожу, он, уже раненный, стреляет лежа. Я набежал сзади, выстрелом из пистолета в голову прикончил, — здоровый финн, офицер! Руками он загреб землю, на его пальцах вижу, на большом и на указательном — по три золотых обручальных кольца, на двух других — по два. Переворачиваю убитого, отцепляю диск от пояса, снимаю нож — серебряная ручка в форме женской головки, ножны с медными украшениями, Планшетка с финской картой района. Добегаю до дороги. Борисов, Басков заметили финский окоп с пулеметом «максим», подорвали гранатой, — у пулемета не было никого. Замок пулемета предварительно вынули, взяли с собой.

Осталось всего нас шесть человек, пулеметчик отделился от нас вместе с группой. И стали мы уходить дальше, на юго-восток. В пути к нам присоединились два человека — хороший, боевой сапер, лейтенант Чесноков, и боец Гаврилов, бродившие вдвоем уже двенадцать дней. У Гаврилова служебная собака, он ведет ее на шнурке.

Продолжаем путь вместе. На болоте урочища Ахиярви нас замечают. Зажимают нас на болоте. Получилось это так: выехал по дороге велосипедист — финский солдат, проехал мимо нас, не обращая внимания, вплотную, и вдруг, заметив, что мы — со звездочками, перевернулся — и в лес, как ветром сдуло, я даже автомата не успел снять. Борисов дал очередь из автомата, попал ему в бок. Он убегает (молодой парень) и кричит: «Русский — трус!» Я — за ним, с наганом, он петляет, что заяц. Семь штук выпустил я, не попал. Мы все время на ягодах сидели, ослабли, не мог я догнать этого велосипедиста. .. Слышу впереди разговор, алякают. Опять напоролся!..

Когда я выбежал обратно на развилину дорог — идет финн, ведет в поводу лошадь. Как увидел меня, лошадь развернул, поставил на колени и сам, из-за лошади, из автомата. Я залег в канаву, дал очередь по лошади. Лошадь вскочила, он так и остался на карачках сидеть. В это время сбоку товарищи дали по нему очередь, сшибли его. Сзади шум, бегут финны от лагеря, пришлось нам уходить — бежать сил не было, — ушли на болото. Ушли под сильным обстрелом.

На болоте торфяной сарай, дождь льет, мокро, и решили мы устроиться на ночь в этом сарае. В нем — низкие стенки, ворота и навес. Раздвигаем торф; забираемся в него.

Финны выходят на опушку, человек шесть. Мы — огонь. Расстояние большое, и результатов нет. финны отошли, бьют по нас. Лежим в торфе. Ночью пробуем выйти — не удается, обстреливают. Болото чавкает, труднопроходимо. Под утро — туман.

Подошли финны ближе, обстреливают почти в упор. Огнем отгоняем. Днем начинают обстреливать со всех сторон, едва выглядываем. Позавтракать ягодами не удается. Очень клонит ко сну. Спать нельзя. Спим по очереди.

К вечеру обессилели. Решаем зарезать собаку, но оставляем это на утро: может быть, ночью удастся уйти. Ночью обстреливают, подошли вплотную. Ругаются по-русски, кричат: «Русски, сдавайся!»

Утром решили приступить к кулинарии. Зарезали собаку, распотрошили. Предложил нам это сам Гаврилов со слезами. Навалились, разрезали, очистили. Берем пласт дерна, кладем посередине дырки в торфе, шиплем кусочки досок от стен и жарим на шомполах от пистолетов. Шашлык! Мясо покрывалось пленкой — копотью от торфа, хрустит под зубами. Едим с большим удовольствием. Сначала было никто не решался в рот взять.

Я начинаю:

— Боюсь, мимо куста не пройду—ногу подниму. Тогда никуда не уйдем, кустов много!

Засмеялись, начали есть. До вечера понемножку жарим и запекаемся. Днем финны вплотную под наш огонь подойти не решаются — ждут. Вечером — налет самолетов, — наши самолеты. Зенитка финская, — трипль-пулеметы обстреливают их. Мы — почти в центре: со всех сторон зенитные точки, разрывы со всех сторон. Самолеты улетают. Не движемся, благодушествуем: сыты! Думаем выйти с рассветом, при тумане.

Утром — шум самолетов. Налет на точки: бомбят и обстреливают из пулеметов. Авиабомбы рвутся на границе с болотом. Благодарим летчиков, проскакиваем под бомбежкой, уходим.

Через полчаса нас обстреляли. Залегает, открываем огонь. Два финна отходят. Впереди — завал, деревья. Проползаем под завал — впереди проволока в семь колец. Лезем под нее, натянута плохо. За проволокой есть МЗП — малозаметные препятствия, — преодолеваем их, путаясь. Перед нами следы колеи тракторов-тягачей. Смотрю по следам: пачки от «Звездочки», обрывки газет наших, смотрю число: десятое сентября (а было уже тринадцатое). Свежие!

Думаем: наши здесь. Борисов делает знак. Ложимся. Лежу за камнем, смотрю: Борисов держит в руках гранату Ф-1 и идет быстрым шагом вперед. Слышу крик Борисова: «Свои!» Подходим видим — пилотки со звездочками...

Вид у нас страшный — заросшие, худые. На мне два автомата, обвешан, как абрек Заур,—гранаты... Смотрю — бросается Борисов на шею к тем, целует. У Баскова следы на глазах... Спрашиваем, где кухня. Ведут. Просим хлеба.

— Откуда?

— С Финляндии!

— Руки вверх, сдавай оружие!

Не хотим. Приходит начальник особого отдела, уговаривает оставить оружие до выяснения. Сдаем. Ведут в штаб, под конвоем. По дороге группа бойцов:

— Зачем ведете? Стрелять их надо, сволочей.

— Рано! — говорю я.— Еще приветствовать придется! ..

В штабе мы сообщили, из какой части. С какой целью вставлен был в финском тылу, не говорю, не имею права. Начинают путать, задавать вопросы—от бабушки, где кто живет, и так далее. Злит нас.

Дали нам гречневой каши и хлеба. Под конным конвоем отправляют в особый отдел укрепрайона. Там проводим ночь, среди заключенных. Утром, часов в девять, приезжает тот, который нам дал задание. Встречает, обрадован:

— Не думал увидеть в живых!

Забирает на машину. Прошаемся с ребятами,— их оставляют до выяснения, а мы уезжаем втроем — я, Борисов, Басков. Привозят в часть, побрили, накормили, переодели, водки дали. Басков опух, а Борисов отошал, а я похудел, как индус, оброс бородой.

Доложил. Вот вам и вся история!

Кто такие Басков и Борисов? Николай Борисов — преподаватель средней школы, с Кубани, сержант технической службы. Высокий, сухошавый, мямливый по виду, не скажешь, что очень храбрый, но обладает замечательными качествами разведчика.

Алексей Басков — рабочий, мало развит, но боевой, храбрый и пылает исключительной ненавистью к фашистам. Басков был на днях убит — здесь, на финском фронте. А Борисов сейчас не знаю где...

Еще хочется сказать вам о той женщине. Она вела себя молодцом. Икры ее порваны были осколками мин, даже запах шел от

ран—в них загнаны были обрывки сапог. Держалась мужественно, шла с пистолетом и двумя финскими гранатами. Лейтенант-артиллерист был все время рядом с ней.

О железнодорожном батальоне я знаю, что он хоть и в раздробленном виде, но прорвался. Из этих групп в основном все прорвалось. Последнюю вывел тот старший лейтенант, начальник штаба, который вел ее до меня.

В форту Ино 60 моряков защищались до конца, имея возможность уйти на шлюпках, но не имея приказа. Их начальник находился на Койвисто, но с ним не было связи. Они все погибли.

Самое безвыходное положение у нас было, когда нас осадили в торфяном сарае. Я боялся, что финны начнут бить крупнокалиберными по сараю. В последний день у нас был уже упадок духа: скорей бы развязка — или пробиться, или чтоб уж конец. Живьем бы не взяли нас—усики гранат уже распушены были. Единственно, чего я боялся,— ранят кого-либо из ребят. Прикончить его я не мог бы, а унести сил не было; все надеялся — выскочим. Ну, а пришлось бы помирать, так уж с «музыкой»! Когда я снял ватник, из него осколки от разрывных посыпались... А этот «шестой» парень оказался вполне мужественным, С Басковым даже подружился.

Нам не хотелось вспоминать о старом... Еще никогда не забуду зрелища: семья колхозника на Приморском шоссе. Я их видел там, они картошку пекли. А позже я их же увидел у обгоревшего сарая, уже сожженными. Мальчишка восьми лет, ребенок года три, семь женщин, старух, только одна из них молодая, а всех человек шестнадцать.

После всего этого дела меня уложили в госпиталь с диагнозом — общее истощение. Пролежал дней восемь. Затем поручили еще одно специальное дело, а потом послали в батальон морской пехоты, организовать разведку, и тут я случайно встретил жену — Валю Потапову. Я думал, что она осталась в окружении, в Териоках. . .»

Иониди рассказывал мне еще многие мелкие подробности своего двухнедельного рейда, отвечал на мои вопросы. В батальоне мне сказали, что все действия Иониди по уничтожению аэродрома были подтверждены воздушной разведкой, зафиксированы аэрофотосъемкой и что все те, кому он помог выйти из окружения, дали о нем самые лестные отзывы..

Отрывок из книги «Скрытая правда войны: 1941 г. Неизвестные документы», .М., 1992:

ЧТО ПРОИЗОШЛО НА ОСТРОВЕ БЬЕРКЕ

По решению Ставки Верховного Главнокомандования в связи с ухудшившейся обстановкой с 26 октября 1941 года началась эвакуация военно-морской базы Ханко. Очаговое противостояние огневому натиску противника других изолированных прибрежных гарнизонов Балтийского флота теряло смысл. Остатки сил островной и береговой обороны стягивались в единый кронштадтско-ленинградский кулак.

В числе отходивших в Кронштадт и на «Большую землю» были изрядно поредевшие части Выборгского укрепленного сектора¹ с островов Бьерке (Биорке) и Тиуринсаари (Тиурин-Саари). Их артиллерийские батареи вели обстрел противника до последнего дня. Однако о стойкости артиллеристов говорили изредка и вскользь, а о ходе эвакуации островных гарнизонов и ее результатах ни во время войны, ни после ничего не сообщалось.

СООБЩЕНИЕ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА

12 ноября 1941 г.

Совершенно секретно

Военному Совету Ленинградского фронта

Военным прокурором К[раснознаменного] Б[алтийского] Ф[лота] донесено мне о следующем:

27.10.41 г. штабом В[ыборского] у[крепленного] С[ектора] был получен приказ В[оенного] С[овета] КБФ об эвакуации островов Биорке, Пии-Саари, Тиурин-Саари. Согласно этому приказу, эвакуация должна была закончиться в ночь с 29 на 30 октября.

Руководителем эвакуации назначен был капитан 1-го ранга Евдокимов.

Из-за неблагоприятной погоды до 30.10.41 г. на о. Биорке и другие острова ни одно судно не прибыло.

Самоходная баржа «Молога», прибывшая 30.10.41 г., села на мель и простояла без действия до утра 31.10.41 г.

Утром 31.10.41 г. прибыла вся эскадра.

Погрузка материальной части, имущества и личного состава началась в 11-12 час[ов] и проходила неорганизованно.

Руководители эвакуации и В[ыборгского] у[крепленного] С[ектора] торопились скорее уйти с островов и до утра быть в Кронштадте и в связи с этим дали указание: если не удастся забрать все имущество - бросить его и взять только людей.

В результате общей неорганизованности, по предварительным данным, при эвакуации имелись следующие потери:

На о. Биорке:

1. Подорвана баржа «СБ-4» с артиллерией, автотранспортом, боезапасом, конским составом и другим имуществом.
2. Оставлены 22 О[тдельным] А[ртиллерийским] Д[ивизионом] прожектора, танкетка, пулемет, санитарное имущество лазарета ^о 2, автотранспорт и продукты питания.

На о. Тиурин-Саари:

1. 3 зенитных 76 мм орудия.
2. Грузеная баржа с боезапасом к 76 мм орудиям.
3. Тело 76 мм орудия, к нему 2 люльки, 2 станины, 5 башен, дальномеры и прицельные рамы.
4. Дальномер к 6 орудиям, автотранспорт, компрессорная установка, 4 прожектора, 1 автомашина с пулеметом, 5 тракторов, 3 [три] 76 мм пушки и баржа с продовольствием.

31.10.41 г. в 21 час на о. Биорке произошел взрыв командного пункта 22 О[тдельного] А[ртиллерийского] Д[ивизиона], во время которого погибли:

Н[ачальник] Ш[таба] 22 ОАД - капитан Шабуря;
Н[ачальник] и Ш[таба] обороны о. Биорке - капитан Попов;
начальник связи дивизиона - ст. лейтенант Кононов;
инструктор П[олитического] О[тдела] - батальонный комиссар Печерский;

помощник начальника штаба [дивизиона] - лейтенант Бого-
явленский;

военный следователь В[оенной] П[рокуратуры] В[ыборгско-
го] У[крепленного] С[ектора] - воентехник 1 ранга Марцев;

начальник инженерной службы - военинженер 3 ранга Мол-
чанов и командиры и краснофлотцы, список которых уточняется.

Расследование указанных фактов производится военной
прокуратурой КБФ.

О результатах расследования донесу дополнительноЗ.

Военный прокурор Ленинградского фронта
бригвоенюрист ГРЕТОВ

ЦВМА. Ф. 161. Оп. 1. Д. 6. Л. 27-28

КОММЕНТАРИИ

1. Выборгский укрепленный сектор береговой обороны - (ко-
мандир - полковник В. Т. Румянцев, военный комиссар - полковой
комиссар И. И. Величко) с начала Великой Отечественной войны в
составе 22, 32-го отдельных артиллерийских дивизионов (12 берего-
вых батарей 45- 152 мм и 10 отдельных полковых орудий), 41-го от-
дельного пулеметного батальона и 27-го зенитного артиллерийского
дивизиона ПВО занимал побережье Выборгского залива и прилегаю-
щие острова: Бьерке (Биорке), Тиуринсаари, Пийсаари и другие (ныне
Березовые острова). Штаб сектора размещался в Выборге, а после
его сдачи с 25 августа 1941 г. - в Койвисто. В первых числах сентяб-
ря из района Койвисто на острова были эвакуированы береговые
подразделения укрепсектора и часть сил 43, 115 и 123-й стрелковых
дивизий 23-й армии Ленинградского фронта, попавших в конце авгу-
ста в окружение под Выборгом, которые в последующем перебрасы-
вались в Кронштадт и Ленинград. По существу, окруженная группир-
ровка войск 23-й армии была отбита у противника частями сектора.

2. Взрыв командного пункта 22-го отдельного артиллерийского
дивизиона, повлекший гибель людей, мог произойти или из-за поспеш-
ной подготовки к самоуничтожению, или в результате диверсии про-
тивника. Точная причина взрыва не установлена.

3. Материалы расследования и дополнительные донесения прокуратуры Балтийского флота в архиве найти не удалось. Общая численность погибшего личного состава при взрыве командного пункта 22-го отдельного артиллерийского дивизиона неизвестна.

Части Красной Армии, действовавшие
на Карельском перешейке летом-осенью 1941 года

Части 23-й армии.
Командующий генерал-лейтенант П.С. Пшенников

19-й и 50-й стрелковые корпуса

123-я стрелковая
дивизия

43-я стрелковая
дивизия

115-я стрелковая
дивизия

142-я стрелковая
дивизия

10-й механизированный корпус

198-я мотострелковая
дивизия

погранвойска

Выборгский УР

Кексгольмский УР

Сортавальский УР

Части финской армии, действовавшие
на Карельском перешейке летом-осенью 1941 года

2-й армейский корпус.
Командующий генерал-майор Тааветти Лаатикайнен

2-я пехотная дивизия
2.D

15-я пехотная дивизия
15.D

18-я пехотная дивизия
18.D

4-й армейский корпус.
Командующий генерал-лейтенант Леннарт Эш

8-я пехотная дивизия
8.D

12-я пехотная дивизия
12.D

25-й пехотный полк
25 JR

Резерв командования

4-я пехотная дивизия
4.D

10-я пехотная дивизия
10.D

Бригада Т
T-Pr.

- Балашов Е.А. Карельский перешеек – земля неизведанная. Ч. 5–6. Койвисто – Йоханнес. СПб., 2003.
- Балашов Е.А. Карельский перешеек – земля неизведанная. Ч. 9. Валкъярви – Вуоксела. СПб., 2005.
- Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989.
- Большая Советская Энциклопедия. Т. 31. М., 1937.
- Герои Советского Союза. Т. 1-2. М., 1987–1988.
- Громов В.И., Шаскольский И.П. Приозерск. Л., 1976.
- Давиденко А.И. Сестрорецк. Л., 1962.
- Дважды Краснознаменный Балтийский Флот. М., 1990.
- Исаченко С.М. Долгий путь к победе. Л., 1980.
- История Ленинградского Военного Округа. М., 1974.
- Кишкурно Я.А., Зубкин А.Ю. Танковые войска Финляндии. 1919–1945. СПб., 2001.
- Козлов А.П. Тревожная служба. М., 1975.
- Коньков В.Ф. Время далекое и близкое. М., 1985.
- Краснознаменный Северо-Западный Пограничный Округ. Л., 1973 .
- Ладога Родная. Л., 1969.
- Лукницкий Павел. Ленинград действует. Кн. 1. М., 1976.
- Малая Советская Энциклопедия. Т. 9. М., 1932.
- Маннергейм К.Г. Мемуары. М., 1999.
- Мельников П.Е. Залпы с берега. М., 1971.
- От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–44 гг. СПб., 2006.
- Русаков З.Г. Нашим морем была Ладога. Л., 1989.
- 123-я шла вперед. Л., 1971.
- Страны мира. Краткий справочник. М., 1942.
- Черепанов А.И. Поле ратное мое. М., 1984.
- Шитов Д.И. Карельский перешеек – земля неизведанная. Ч. 10. Ряйсяля. СПб., 2006.
- Эрфурт В. Финская война. 1941–1944 гг. М., 2004.

- Antila O. Suomi suursodassa. WSOY, 1984.
 Jäntti L. Kolme sotaa ja yksi taistelu. WSOY, 1990.
 Jatkosota. Kronikka. Gummerus OY, 1991.
 Käkelä E. Laguksen miehet – Marskin nyrkki. Gummerus OY, 1992.
 Mero M. Verta sataa kannaksen ylle. Printline, 1989.
 Muistojen kirja. Gummerus OY, 1987.
 Muukkonen A. Kohti Viipuria. WSOY, 1994.
 Rautala A. Karjalan kannaksen takaisinvaltaus kesällä 1941. Gummerus, 2004.
 Sodan moni-ilmeiset kasvot. Vaasa OY, 1983.
 Sotahistoriallinen aikauskirja № 12, 1993.
 Suomen puolustusvoimat ennen ja nyt. WSOY, 1991.
 Suomen rintamamiehet. 1939–45. Etelä-Suomen kustannus OY, 1978.
 Talvela P. Sotilaan elämä. Osa 1. Gummerus OY, 1976.
 Tilli Kalevi. Takaisin Viipuriin. WSOY, 1987.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

- Исаченко С.М. Долгий путь к победе: 1, 2, 55, 60.
 История Ленинградского Военного Округа: 59.
 Козлов А.П. Тревожная служба: 26.
 123-я шла вперед: 53.
 Черепанов А.И. Поле ратное мое: 54.
 Лукницкий П. Ленинград действует. Книга 1: 62.
 Ладога Родная: 20.
 Фото Степочкиной О.: 51.
 Jatkosota. Kronikka: 22, 61.
 Sotahistoriallinen aikauskirja № 12: 14, 34.
 Muistojen kirja: 31, 38.
 Suomen puolustusvoimat ennen ja nyt: 25, 28, 32, 39.
 Antila O. Suomi suursodassa: 5, 6, 8, 10, 15, 16, 37, 41-43, 46, 57, 58.
 Suomen rintamamiehet. 1939 – 45: 21, 36, 49.
 Rautala A. Karjalan kannaksen takaisinvaltaus kesällä 1941: 3, 4, 9, 11-13, 17-19, 23, 27, 30, 33, 35, 40, 47, 48, 52, 56.
 Talvela P. Sotilaan elämä. Osa 1: 7, 29, 44.

Издания, вышедшие в свет при участии ИКО «Карелия»

Карты:

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК

Схема исторических и культурных памятников «Laktio Star corp.» 1991.
1:200 000. Двужычная (рус., фин.).

KARJALAN KANNAS: HISTORIA JA NYKYAIKA 1938—1993.

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 1938—2001
(2004).

1:200 000. Современные и старые географические названия. Границы пре-
жних волостей, застройка населенных пунктов. ЗАО «Карта», 2001, 2004.

Книги:

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК — ЗЕМЛЯ НЕИЗВЕДАННАЯ

часть 1 — 1996 г., части 2, 3 — 1998 г., часть 4 — 2000 г.

часть 5,6 — 2003 г., часть 7 — 2004 г., часть 8 — 2005 г., часть 9 — 2005 г.,
часть 10 — 2006 г.

ПРИНИМАЙ НАС, СУОМИ-КРАСАВИЦА!

"Освободительный" поход в Финляндию 1939—1940 гг.

Издательство «Цитадель»; 1 и 2 том. Под редакцией Балашова Е.А.

ЛИНИЯ МАННЕРГЕЙМА

И СИСТЕМА ДОЛГОВРЕМЕННОЙ ФОРТИФИКАЦИИ ФИНЛЯНДИИ

1919—1940 гг.

Балашов Е.А., Кишкурно Я.А.

СПб.: Издательство «Остров», 2002 — 76 с., с илл.

В «НОВЫХ РАЙОНАХ»

Из истории освоения Карельского перешейка 1940—1941, 1944—1950 гг.

Степаков В.Н., Балашов Е.А.

СПб.: Норммедиздат, 2001 — 144 с., с илл.

ПУТЬ ИЗ ФИНЛЯНДИИ В СИБИРЬ

Тойво Куриikka. Под редакцией Балашова Е.А.

СПб.: ИПК «Нива», 2003 — 156 с.

МЕТАМОРФОЗЫ ТОПОНИМИИ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА

Краткое исследование по этимологии географических названий

Балашов Е.А.

СПб.: ИПК «Нива», 2005 — 132 с.

КЕЛЛОМЯКИ — КОМАРОВО

Балашов Е.А., Исаченко Г.А., Снеговая И.А., Калесник Е.В., Мельников В.А.,

Моженко Э.С.

СПб.: Издательство «МКС», 2003 — 46 с., с илл.

Тексты непереиздаваемых изданий частично размещены на сайте www.kannas.nm.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ НАШИ КНИГИ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ПОСТУПАЮТ В ПРОДАЖУ В МАГАЗИНЫ: «АКАДЕМКНИГА» И «ДОМ КНИГИ».

В ВЫБОРГЕ, ПРИМОРСКЕ И ПРИОЗЕРСКЕ КНИГИ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ В КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЯХ. ПОЛНЫЙ АССОРТИМЕНТ ПРЕДСТАВЛЕН В МУЗЕЕ «ЯЛКАЛА».

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ «ЯЛКАЛА»

Историко-этнографический музей-заповедник «Ялкала» создан по решению правительства Ленинградской области в 1993 году в рамках программы культурно-национального возрождения российских финнов на базе существовавшего с 1940 года мемориального музея В.И. Ленина.

Одна из главных целей музея - воссоздание истории проживания народов на Карельском перешейке и восстановление финского хутора на базе сохранившегося с конца XIX века жилого дома семьи Парвиайненов и музейной коллекции этнографических предметов финской деревни.

Документальная экспозиция музея коротко рассказывает об истории Карельского перешейка с древнейших времен. Центральная часть документальной экспозиции посвящена финскому укладу жизни в первой половине XX века. В ней рассказывается о том, как была организована жизнь финских крестьян в приходе, в отдельной деревне, в конкретной семье.

Постоянным интересом посетителей пользуется документальная и предметная экспозиция, посвященная событиям советско-финляндской войны 1939-40 гг.

Адрес музея: пос. Ильичево Выборгского р-на Ленобласти. Тел. 231 92 07

Ян Кишкурно

Родился в Ленинграде в 1973 году, детство провел на Карельском перешейке. В 1989 году серьезно занялся изучением истории Зимней войны и финской армии. Член ИКО «КАРЕЛИЯ» с 1991 года. С 1992 по 1996 гг. входил в Санкт-Петербургскую Военно-Историческую ассоциацию. Как переводчик и автор отдельных статей участвовал в создании двухтомного сборника «Принимай нас, Суоми-Красавица!» (1999 – 2000 гг.) и исследования

«Линия Маннергейма» (1-е издание – 2000 г., 2-е издание – 2002 г.) В 2001 г. опубликовал написанную в соавторстве книгу «Танковые войска Финляндии. 1919 -1945». Является консультантом книг «Тайпале» (2002 г.) и «Карельский перешеек – земля неизведанная», часть 5-6 (2003 г.). Живет в Санкт-Петербурге.

По вопросам приобретения книжной и картографической продукции рекомендуем обращаться по электронной почте e-mail: balasov@mail.admiral.ru

Информация по новинкам публикуется на сайте www.kannas.nm.ru

Тираж 700 экз.

Отпечатано в типографии «ЛЮБАВИЧ»
Санкт-Петербург, пр. Б.Сампсониевский, 60